

Вдовиченко В.С.

ГРИГОРИС КСЕНОПУЛОС И ЕГО ПЬЕСА «Стелла Виоланти»

Григорис Ксенопулос один из наиболее известных греческих драматургов конца XIX- начала XX века. Его творчество высоко оценено в Греции. Он признан классиком современной греческой литературы и драматургии. В то же время литературное наследие Г. Ксенопулоса фактически не переведено на русский и украинский языки. Весьма актуальна поэтому популяризация творческого наследия писателя, которая откроет украинскому читателю новую страницу в истории мировой культуры, знакомит с лучшими достижениями греческой литературы.

В работе приводится осуществленный автором первый перевод на русский язык одного из лучших драматических произведений писателя: трагедии «Стелла Виоланти», а также анализ и разбор пьесы, в которых раскрываются основные тенденции в развитии греческой драматургии начала 20 века.

Г. Ксенопулос родился в 1867 году в Константинополе в квартале Фанари. [1, С.43-44]. Отец Ксенопулоса был родом с о.Закинф и после появления на свет маленького Григориса, семья переехала туда. На Закинфе писатель вырос и закончил гимназию. В возрасте шестнадцати лет он написал свой первый роман «Чудеса дьявола» («Τα Θαύματα του Διαβόλου») (1879 г.), который надеялся издать в Афинах.

Вскоре Г. Ксенопулос покинул Закинф и уехал в столицу, где поступил на физико-математический факультет Афинского университета. Однако он так никогда и не получил университетского диплома. Первые шаги Ксенопулоса на литературном поприще не принесли ему известность. Все более или менее известные литературные критики Афин той эпохи отрицательно отреагировали на его первое произведение, однако, Ксенопулос не теряет надежды и в 1887 году издает в журнале «Εκλεκτά μυθιστορήματα» («Избранные рассказы») свой новый роман «Ο άνθρωπος του κόσμου» («Мирской человек»).

Одновременно с этим он начинает заниматься журналистской деятельностью. С 1890 года писатель сотрудничает с журналом «Οчаг» («Εστία»), периодически издает там свои рассказы, а позже становится его главным редактором. В 1927 году он возобновляет издание этого журнала под новым названием «Новый очаг» («Νέα εστία»), одновременно сотрудничая с журналом «Детское образование» («Διαλέξεις των παιδών»). После смерти издателя Н. Папазопулоса занимает его место и становится признанным метром греческой журналистики Нового времени.

Творчество Г. Ксенопулоса не сразу было признано в литературных кругах. В течение многих лет писателя выдвигали для участия в конкурсе для принятия его в члены Афинской академии. И каждый год ученые мужи отказывали ему в этой чести.

Только в 1931 году, под явным давлением общественного мнения, писателя наконец-то избирают членом Афинской академии. Последнее десятилетие жизни писателя оказывается полным драматизма и трагических событий. Во время оккупации дом, в котором он жил сгорел, при этом пострадал и сам писатель. Умер Григорис Ксенопулос 14 февраля 1951 году в Афинах.

Творчество Григориса Ксенопулоса высоко ценят в Греции, его признают классиком современной греческой литературы и драматургии, он считается мастером короткого рассказа, и многие его произведения, созданные для детей, входят в школьную программу. Даже те литературоведы, которые откровенно критиковали произведения Ксенопулоса, признавали новаторский характер его драматургии: он «взлетел на греческую сцену, задыхающуюся под огромным количеством античных трагедий и иностранных пьес, и принес свежее дыхание современной жизни, близкой каждому греку» [2, с.148].

В пьесах Ксенопулоса драматический конфликт – это форма борения личности с порабощающим человека «общим порядком бытия». Речь персонажа для него – важнейший элемент драматического действия, а сложное соотношение стихий комического и трагического является характерной особенностью его произведений. Являясь признанным главой греческой драматической школы, Ксенопулос способствовал тому, что драматургия заняла одно из ведущих мест в системе жанров и родов реалистической литературы. Его творчество не только обогатило драматургию эпохи, но и побуждало писателей к соревнованию, к тому, чтобы выразить свое видение драматизма современной жизни и противопоставить его прочно утвердившейся на сцене художественной системе.

Драма «Стелла Виоланти» была написана в 1909 г. В это время Г. Ксенопулос был уже очень известным драматургом, и главные роли в его пьесах исполняли знаменитые греческие актеры. Мария Кивели, которая в то время была самой популярной актрисой греческого театра, попросила Ксенопулоса написать специально для нее пьесу, в которой она сыграла бы главную роль, и эта роль, несомненно, должна была быть глубоко драматичной. Драматург согласился, и когда пьеса была впервые сыграна на сцене театра в Патрах 10 января 1909 года, успех был настолько велик, что зрители полчаса не отпускали актеров со сцены, непрерывно аплодируя. Это событие в театральном мире всколыхнуло всю страну, и вскоре вся Греция плакала над судьбой бедной Стеллы. В печатных изданиях ее сразу назвали «первой греческой революционеркой», женщиной, впервые, выступившей против социального строя, первой греческой феминисткой. Г. Ксенопулос говорил о этой пьесе так: «Я не перестаю удивляться характеру Стеллы, я рассчитывал рассказать людям о невоспитанной, капризной, хотя и неплохой девочке, которую в жизни постигла огромная трагедия, а оказалось, что она сильная, смелая и благородная женщина, ее характер развился сам по

себе, она победила и самого автора, создавшего ее. [3, с.6].

Успех пьесы был настолько велик, что уже летом того же года пьеса была поставлена на новой сцене в Афинах, где так же была сыграна с большим успехом, но уже с Мариной Котопули в главной роли (она продолжала играть эту роль до 1939 года).

Образ главной героини намеченный писателем в новелле «Распятая любовь» и воспетый великим греческим поэтом Костисом Паламасом, развился, приобрел новые качества. Стелла стала реальной женщиной, борющейся за свою свободу, способной отстаивать свои права. Она первая героиня в новогреческой литературе, выказавшая не привычные для женщины добродетели: покорность, послушание и скромность, а склонность к бунтарству, способность защитить свою личностную свободу, жертвуя ради этого своей жизнью [4, с.25].

Характерно, что главная героиня пьесы и ее семья принадлежат к купеческому сословию. По мнению Ксенопулоса, в Греции начала XX в. современные социальные конфликты были наиболее выражены именно в этой среде, прошлое и настоящее слились здесь в сложное, противоречивое единство. Купечество, издавна игравшее значительную роль в экономической жизни страны, а подчас принимавшее участие и в политических конфликтах, многими нитями родственных и деловых отношений было связано с одной стороны, с низшими слоями общества (крестьянство, мещанство), а с другой — с высшими сословиями, которым оно стремились подражать [5, с.34-65].

Пороки, которыми была поражена купеческая среда и которые разоблачает в своих пьесах писатель, он анализирует, вскрывая их исторические корни и предвидя их возможные проявления в будущем. Угнетатели и угнетенные в пьесе составляют единую систему отношений. Христос, возлюбленный Стеллы, мечтает жениться на ней прежде всего потому, что она – дочь богатых родителей, а он – молодой человек стремящийся к богатству.

Ее отец, Панагис Виоланти, богатый купец, житель острова Закинф, убежден в своем праве безотчетно распоряжаться судьбой членов своей семьи, тиранит жену, дочь и служащих своих «заведений». Молодое поколение, представленное в пьесе Ксенопулоса Стеллой, Дадисом и Христосом, мечтают вырваться из-под опеки старшего поколения, мечтают о другой, более красивой и не столь унылой жизни, но часто оказываются психологически не готовыми на открытый протест. Так складываются отношения между поколениями, между отцами и детьми. Прогресс здесь менее ощутим, чем преемственность. Так, Дадис, в конце концов, возвращается к патриархальным идеалам отца, требуя заключения сестрой выгодного брака.

Чуждый всякого рода преувеличений, избегающий идеализации, автор четко очерчивает контуры изображаемых им фигур, определяет их масштаб. Кругозор Панагиса ограничен его торговыми рядами, в своем ограниченном мире он испытывает все те чувства, которые в ином масштабе испытывает властитель, могущество которого неограниченно. Власть, сила, почет, величие не только удовлетворяют его честолюбие, но и переполняют его чувства и утомляют его. Это настроение в сочетании с глубокой верой в непоколебимость патриархальных семейных устоев, в свой авторитет главы семьи порождает главный трагический конфликт пьесы.

В «Стелле Виоланти» сказалось если не изменение идейной позиции писателя, то стремление по-новому подойти к проблеме общественной трагедии. Драматическое единство пьесы создается тем, что в центре ее стоит героиня, положение которой социально типично. Она как бы воплощает общую идею положения барышни - богатой невесты. Каждая линия действия представляет вариант отношения мужчины к женщине и следующей из такого отношения женской судьбы. Бесчеловечны общепринятые традиционные формы семейных отношений.

Таким образом, и «Стелла Виоланти» относится к обличительному направлению литературы, которое Ксенопулос считал наиболее соответствующим характеру и умонастроению греческого общества. Если критики полагали, что «узость» «любовной завязки» противоречит задачам общественной трагедии, то Ксенопулос именно через изображение любви в современном обществе оценивает его состояние.

В «Стелле Виоланти», работая над которой Ксенопулос, по собственному признанию, испытывал большие творческие трудности, ему удалось овладеть некоторыми новыми приемами построения драматического действия, которые впоследствии были применены им главным образом в пьесах драматического или трагического содержания. Патетика пьесы коренится в переживаниях героини, одаренной способностью сильно и тонко чувствовать, и в положении ее в среде, которая не может понять ее. Такое построение драмы требовало тщательной разработки женского характера и убедительного изображения типических обстоятельств, в которых находится героиня. В «Стелле Виоланти» решить эту творческую задачу Ксенопулосу еще не удалось. Однако во второстепенной линии трагедии был найден оригинальный, независимый от литературных стереотипов образ, воплощающий специфические черты положения и умонастроения обычной греческой женщины (Нионии). Емкий, многообразно очерченный характер этой героини открывал в творчестве Ксенопулоса галерею образов простодушных женщин, богатство душевного мира которых «дорого стоит».

Дать голос представителю средних, «полу-еропеизованных» социальных слоев, сделать его драматическим и даже трагическим героем, выразить патетику переживаний от его лица в форме, соответствующей требованиям реалистического стиля, т.е. так, чтобы его речь, жест, поведение были узнаваемы, типичны, — такова была сложная задача, стоявшая перед Ксенопулосом.

Пьеса «Стелла Виоланти» Стелла Виоланти» является классикой греческой литературы. Она отражает особенности национального характера, развития греческого общества, семьи и положение женщины в ней. И в то же время она имеет поразительное идейное сходство с «Грозой» А.Н. Островского. Слова Н. Добро-

любова: «взаимные отношения самодурства, без гласности могут довести до самых трагических последствий» [6, с. 176-177] с таким же успехом можно применить к произведению греческого драматурга.

Источники и литература

1. *Νεοελληνική λογοτεχνία*. - Αθήνα, 1984. - 276 σ.
2. *Νεοελληνικός πολιτισμός*. 1832/1982. - Αθήνα.: Μαλλιάρης παιδεία, 1983. - Τ.2. - 365 σ.
3. Ξενοπούλος Γ. Αυτοβιογραφία. - Αθήνα, 1985. - 124 σ.
4. Πίμπλης Σ. *Δραματοουργία/ Η δημιουργία του κόσμου των ήρωων*. - Αθήνα, 1980. - 478 σ.
5. Терентьева Н. Одесские купцы Родоканакис // Подвижники и меценаты. Гречки підприємці в Україні XVII-XIX ст. - Київ, 2001. - с.34-65
6. Добролюбов Н. А. «Луч света в темном царстве» // Собрание соч. в 3-х томах. – М.,/1952. – Т.3. – С.152-201

Григорис Ксенопулос

Стелла Виоланти

Трагедия в трех действиях

Первый раз пьеса была сыграна в Патрах в Народном Театре «Аполлон», в субботу, 10 января 1909 года, главную роль исполняла актриса Кивели.

В Афинах была сыграна на «Новой сцене», в четверг, 10 июня, в главной роли с Марикой Котопули.

Действующие лица:

Панагис Виоланти, богатый купец 55 лет.

Мария Виоланти, его жена 42 лет.

Стелла Виоланти, их дочь 20 лет.

Дадис, ее брат 19 лет.

Тетушка Ниония, сестра Панагиса Виоланти 50 лет.

Христакис Саманос, телеграфист 25 лет.

Асиминия, старая служанка в доме Виоланти.

Действие пьесы происходит на Закинфе, в доме Виоланти, примерно через 20 лет после объединения Греции.

Первое действие

Залитая дневным светом гостиная в доме Виоланти, обставленная новой, блестящей и дорогой мебелью. Центральная дверь в комнату открыта, справа еще две небольшие двери, слева окно. Из открытой центральной двери виднеется часть коридора и нижние ступени лестницы, ведущей наверх. Тетушка Ниония сидит за столом и читает толстую книгу. У нее седые волосы и черная одежда, на носу пенсне. Через некоторое время с трудом, прихрамывая, входит служанка Асиминия, она одета в разноцветное платье с белым подолом, на голове у нее платок.

Асиминия. Господин Христакис.

Тетушка Ниония (удивлена). Вот уж... (Обращаясь к Асиминии.) Позови его сюда и доложи госпоже Стелле.

Асиминия (тихо). Госпожа Стелла знает....(уходит).

Тетушка Ниония (одна). Странно!...(Снимает очки, распрямляет спину.)

Христакис (входит в центральную дверь, оживлен). Добрый день, тетушка Ниония!(Он одет в короткое, светлое полупальто, гетры, цветок в петлице, старается быть похожим на англичанина. Симпатичный брюнет.)

Тетушка Ниония (не поднимаясь, ласково). Здравствуй, Христакис, здравствуй, мой хороший. Ну, как же такое могло произойти?

Христакис (подходит и целует ей руку). А, это... Меня позвала сверху Стелла.

Тетушка Ниония. С балкона своей спальни?

Христакис. Точно! В половину первого, как вы знаете, у меня встреча с господином Виоланти по одному важному вопросу. И этот вопрос настолько важен (улыбается), что я, испугавшись опоздания, пришел в кондитерскую по-соседству - ту, что напротив, и сел ждать там. Дома, знаете ли, мы обедаем в два.

Тетушка Ниония. Ну конечно, вы же люди благородные, мы же простые садимся за стол со звоном колоколов.

Христакис (смеется и продолжает) Итак, меня увидела Стелла сверху...

Тетушка Ниония. Я поняла...

Христакис. Начала меня спрашивать, я ей ответил. Она не расслышала... Не могли же мы кричать, тогда она сделала мне знак, чтобы я поднялся на минутку и сказал ей все с глазу на глаз. Не думаю, что это могло показаться вам неприличным, тетушка Ниония.

Тетушка Ниония. Ну, почему же, это могло показаться мне неприличным? Разве ты первый раз приходишь в наш дом?

Христакис (весело). Даже то, что я зову вас тетушкой Нионией? Нет, пусть это не кажется вам неприличным, мне очень нравится называть вас так, как вас зовет Стелла.

Стелла (едва сдерживаясь от того, чтобы не разразиться хохотом, появляется из первой правой двери в удивительно хорошеньком домашнем платье, красиво оправляет его). Нет, нет, уверяю тебя, ей это совершенно не кажется неприличным. Ну, здравствуй (подходит к Христакису и сжимает его руки в своих)! Тетушка-это ее титул, тетушкой Нионией называем ее мы все, даже папочка. Затем....подожди немного, а вдруг послезавтра и ты будешь иметь полное право называть ее тетушкой.

Христакис (явно обеспокоен, быстро). Стелла!

Стелла (смеется) Да, ты прав, тетушка добрая, она – золотая, к тому же, любит меня и все знает. Да, тетушка?

Тетушка Ниония (взволнована). Да, дети мои, да....(делает вид, что погружена в чтение, и прикрывает лицо книгой).

Стелла (хитро). Смотри какая она скрытная. Взяла саму свою большую книжку и спрятала за ней свою мордочку, нарочно, из-за нас. Да, да, делает вид, что читает, а без очков ведь ничего не видит.

Тетушка Ниония (старается сделать рассерженный вид). Стелла, ну ты преувеличиваешь. (Резко поднимается, берет книгу и уходит в правую дверь.)

Стелла (еле сдерживаясь от смеха). Тебе не кажется, Христакис, что эта ее злость и обида наиграны?

Христакис (смеется) Да.

Стелла. Ну, давай наконец-то поговорим без свидетелей. Никого, как ты знаешь, нет дома. Катина с Нене ушли в школу. Папочка и Дадис в конторе, а мама еще с утра куда-то упорхнула.

Христакис. Да, я видел ее экипаж. Итак, тетушка Ниония все знает.

Стелла. Да, я ей сказала.

Христакис. И как она к этому отнеслась?

Стелла. Послушай, она просто сходит с ума от радости. Ты и представить не можешь, как она тебя любит.

Христакис. Сейчас посмотрим, как к этому отнесутся все остальные. Ты знаешь, я написал твоему отцу....

Стелла. Ах, да.... Ты мне это еще там внизу сказал, а я так толком и не поняла ничего.

Христакис. Да, и правильно поступил.

Стелла (встревожено). Я даже не знаю....Почему ты ему написал письмо, бедный мой? Почему не нашел человека, который бы с ним поговорил?

Христакис. Мой друг Стивенсон - англичанин, ты его знаешь, тот который вместе со мной работает на телеграфе, сказал, что в Англии все так делают.

Стелла. Сейчас придет папочка. Ах, как я боюсь.

Христакис. Нет, я надеюсь на письмо, которое я послал утром в его контору. Ровно через час он прислал ко мне Николоса, который и передал, что господин Виоланти хочет со мной поговорить здесь в половину первого.

Стелла. Мне страшно.....

Христакис. Не бойся. Раз он меня пригласил сюда, в свой дом, для того, чтобы поговорить со мной, дела наши не так уж плохи - это к лучшему. Если положение было бы безвыходным, мы бы придумали что-то другое.

Стелла (в раздумье). Может быть....(с тревогой). А который сейчас час?

Христакис (смотрит на свои часы). Одиннадцать тридцать пять.

Стелла. Ты должен уйти. Нельзя, чтобы тебя здесь увидели. Будет плохо, если они догадаются, что мы разговаривали перед твоей встречей с отцом. (Испуганно.) Надеюсь, в письме ты ничего не сказал про меня?

Христакис. Ах, нет, нет, успокойся.

Стелла. Хорошо, уходи, Христакис, я тебя прошу.

Христакис. Да, я уйду, но в половину первого ты снова услышишь, как зазвенит дверной колокольчик.

Стелла (с силой сжимает руки). Ну, прощай!

Христакис. Вот как? Снова даже не поцелуешь?

Стелла (отдаляясь от него) Нет! Нет! Вот когда мы будем обручены, тогда...

Христакис. А еще говоришь, что любишь меня....Хорошо (направляется к центральной двери).

Стелла (застыла и смотрит как он уходит,внезапно). Христакис!

Христакис (оборачивается). Стелла!

Стелла. Я тебя поцелую (обнимает его). У меня появилось дурное предчувствие. Что-то говорит мне, что я тебя целую в первый и последний раз (целует его).

Христакис. Милая моя, не говори так... Это от того, что ты боишься своего отца, ты больше боишься чем надеешься. Однако я верю и мое предчувствие говорит, что очень скоро мы будем самыми счастливыми людьми на свете. (Снова целует ее. Расходятся в разные стороны. Христакис уходит. Стелла, плача, медленно сходит со сцены.)

Тетушка Ниония (возвращается с книгой) Ушел? Ну, ты и сыграла со мной шутку, госпожа Стелла! Сделала из меня посмешище при постороннем-то человеке! Ну, разве была в этом какая-то нужда?

Стелла (заставляет ее замолчать, крепко сжав в объятиях и плача). Тетушка! Тетушка! Христакис написал папочке письмо! Он просит моей руки! А папочка послал к нему человека с просьбой прийти сюда и получить ответ!

Тетушка Ниония. И поэтому ты плачешь, девочка моя? В такой радостный момент?

Стелла. Ах, тетушка! Я боюсь, просто дрожу от страха.

Тетушка Ниония (оставляет книгу на столе и так и не разжав объятия Стеллы, гладит ее по голове). Почему? Христакис очень хороший молодой человек! Твой отец не может не хотеть этого брака, скажу я тебе!

Стелла. Я тоже так думаю. Однако представь на секунду, что все это ему не понравится, и он не захочет ни под каким видом выдавать меня замуж за Христакиса.....Горе мне! Ах, единственный день, когда мне улыбнулось счастье и вот..... Я боюсь этого дня, решающего всю мою жизнь! Он может подарить мне огромную радость и огромное горе.

Тетушка Ниония (сидит на диване со Стеллой на коленях, будто она маленький ребенок). Почему ты ждешь горя? То, что Христакис просит твоей руки – совершенно нормально! Пришло время - счастливое время. Не бойся! (Немного спустя, спокойно.) Тогда почему он послал за ним?

Стелла. Дурной знак, да?

Тетушка Ниония (прячет свое беспокойство). Нет, это хороший знак! Все хорошо! Все в руках господи!

Стелла (все еще сидя на коленях у Нионии). Ах, тетушка, мне кажется, что если я не выйду замуж за Христакиса, то умру!

Тетушка Ниония. Никогда больше этого не говори! Так говорят все девушки, когда влюбляются в первый раз.

Стелла. Да, но я не такая, как другие девушки! Моя любовь не игрушка! Я очень люблю его, действительно люблю! У меня появилось чувство, что я люблю его больше чем самое себя, больше чем свою жизнь, больше чем родителей, сестер, братьев, даже тебя, тетушка! Не сердись на меня за это и не ругай, потому что я люблю его больше всего на свете!

Тетушка Ниония (гладит Стеллу по волосам). Нет, золотой мой ребенок! Я не буду тебя ругать.

Стелла (прижавшись к Нионии). Тетушка! А после Христакиса больше всех я люблю тебя! (Целует ее). Посиди здесь, пойду выгляну на секунду в окно. Он сядет в кондитерской. (Подходит к окну и смотрит). Нет, его отсюда не видно. Пойду-ка наверх, посмотрю со своего балкона.

Тетушка Ниония. Нет, нет, не надо, сиди здесь. Даже если он там, сейчас придет твой отец.

Стелла (возвращается и останавливается, опершись на стол). Правда...(вскоре продолжает прерванный разговор). Вспоминаю сейчас, как он за мной ухаживал, а я делала вид, что презираю его. Я делала это нарочно, я была гордой и не снизошла бы до того, чтобы быть одной из многих. Потому что вокруг него всегда много девушек, я знаю. И все они его любили! И графини и дочери богатых родителей. Графиня Мари Маркоци была до безумия в него влюблена. А он ради меня отверг их всех.

Тетушка Ниония. Потому что ты лучшая.

Стелла (живо). Правда, тетушка! Ну, разве я не красивая и не богатая? Разве я не из достойной семьи? Ну что поделаешь, если мы не графы, и что дом наш только недавно построили, и он не похож на все эти старые венецианские дворцы. Однако он прочнее стоит на земле, в отличие от тех замков, всегда готовых завалиться вместе со всеми их гербами.

Тетушка Ниония. Гербами? Вот еще, не придумывай.

Стелла. А у Христакиса есть герб, потому что он Саманос. И знаешь, какой у них герб? Два белых голубя, целующихся на фоне голубого неба! Я его видела однажды у них дома. Он нарисован на вагофоре, которую им прислал их духовный отец. Я даже не знала, что это. А Христакис мне сказал с гордостью, что это герб Саманосов. Их семья гораздо благороднее нашей.

Тетушка Ниония (немного задета). Золото на их гербе поистерлось! Не один Саманос до нынешнего времени не работал телеграфистом как Христакис!

Стелла. Но это же английский телеграф, туда идут работать только дети благородных родителей! И конечно, если он на мне женится, то восстановит величие и богатство своей семьи.... Правда, тетушка Ниония, когда я выйду замуж, ты приедешь и поселишься вместе со мной! Ах, только не говори «нет»!

Тетушка Ниония. Я могу приехать, да только понравится ли это жениху?

Стелла. Милая моя, да что ты говоришь? Все что я захочу! Знаешь, как он меня любит? Вот, что он пишет в своем письме. «Дорогая, драгоценная...» -это письмо всегда у меня с собой, рядом с сердцем (достает письмо, написанное на розовой бумаге из лифа платья).

Тетушка Ниония. Ах, опять его письмо!

Стелла (неудержимо). Нет, ни одна девушка в мире не получала такого письма! Вспоминаю, как я не хотела его брать! Представь себе, ему пришлось незаметно вложить мне его за пояс платья, в тот день, когда мы ездили на лодках в Крионери, я его взяла, потому что испугалась, как бы никто не увидел, будто я пытаюсь ему что-то вернуть. А когда приехала домой, то клянусь, не хотела его читать, решила, что отдам его обратно нераспечатанным.

Тетушка Ниония. Решила, а не отдала.

Стелла. Правда, тетя! Представь себе, на этом письме не было печати, оно было просто сложено. Как могла я превозмочь свое любопытство и не прочитать его. И я его прочитала и перечитывала...если скажу тысячу раз, то сделаю ошибку...больше. Рассвет застал меня в спальне, сидящей и читающей это письмо. С этой ночи я люблю Христкакиса.

Тетушка Ниония. Он - твоя судьба, девочка моя.

Стелла. Правда, какую важную роль в жизни человека играет случайность! Представь, если бы это письмо (достаёт его) было бы запечатано (заканчивает фразу с выражением глубокого раздумья на лице).

Тетушка Ниония. Ах, оставь! Мне кажется, что если бы даже письмо было запечатано, ты бы его прочитала.

Стелла (с живостью) Нет, тетя. Я клянусь тебе. Однажды, когда я была на Керкире, в меня влюбился один молодой человек. Он был студентом. Высокий, стройный блондин, белый как лилия. А как ему шла форма: белые брюки, голубая куртка. Как он мне понравился. Однажды, он прислал мне письмо. Оно было в конверте и запечатано. Но я ему отослала его обратно, как и получила. Ну? Ты скажешь, я была маленькой и испугалась (прерывается). Ой! Кто там?

Тетушка Ниония (открывает снова книгу). Молчи, это Дадис пришел.

Дадис (рассержен). У, чтобы ты пропала! Почему не открывала дверь? (Появляется в дверях. Он одет с нарочитой элегантностью, весь в украшениях, некрасивый, смуглый, с редкими усиками, похож на испанца.)

Даже не говорите мне, чем они тут занимаются! Ну и служанка! Я битый час колочу в дверь!

Стелла. (сидит за столом рядом с тетей). Да, час! Два раза стукнул и все виноваты! Ворчун!

Дадис (бросает шляпу на диван и смотрит на Стеллу). Вечно ты со всем не согласна! Вечно поперек всему идешь! Неужели ты еще не поняла, что я твой старший брат!

Стелла. Извини, но ты младший. Я старшая, я родилась первой.

Дадис. Ты женщина. Это не считается.

Стелла. Ошибаешься! Папочка говорит, что считается. Такая уж иерархия в нашем доме. Сначала я, а потом только ты. Поэтому, ты должен меня слушать и не чинить мне препятствий. Правда, тетушка?

Тетушка Ниония. Правда, девочка моя. У нас старшинство по возрасту. (К Дадису). Твоя мать тоже женщина, и я не думаю, что ты чем-то лучше ее.

Дадис. Да вы всегда заодно! Мне и слова не даёте сказать! (Стелла и тетушка Ниония смеются) Чего хотите, правду говорю?! (Смеется и сам неожиданно для себя). Где мама?

Стелла. Еще не вернулась!

Дадис. Вы послали еду детям в школу?

Стелла. Ко всему придираешься. Они сегодня в школе до часу дня, а после обеда занятий нет. Ты не сказал, чего это ты пришел раньше, чем обычно?

Дадис. Меня послал папочка. Он сказал, что желательно мое присутствие здесь, и я не знаю почему.

Стелла (с беспокойством в голосе). И ты его не спросил?

Дадис. Да разве из старика вытянешь хоть слово? (Направляется к окну.)

Стелла (к Нионии тихо). Дурной знак.

Тетушка Ниония. Хороший знак.

Дадис (отходит от окна). Там, напротив, в кондитерской я видел Христкакиса Саманоса с двумя приятелями. Он меня звали, но я к ним не подошел. Ух, как я ненавижу этого человека. Я испытываю к нему глубокое отвращение.

Стелла. К Христкакису? Ты не прав! Он очень хороший молодой человек.

Дадис. Да! Так говорят все девушки. Чтобы он пропал! Дон Жуан, который не оставляет в покое ни девиц, ни замужних женщин! И разве они его любят? Только издеваются над ним.

Стелла. Дадис, Дадис! Мне кажется, ты ему завидуешь.

Дадис. Я? Христкакису? Чему тут завидовать, боже мой! Может его богатству, образованности, репутации? Да он просто неграмотный телеграфист, который, бедняга, всю свою зарплату платит на роскошную одежду, чтобы казаться красавцем, в которого все непременно влюбляются!

Стелла. Да он и так совсем небезобразен!

Дадис. Ну даже если и так, ты его не видела, араба этого? Он похож на африканских дикарей, которых пытаются цивилизовать англичане. Он же работает на английском телеграфе? Вот и смотрит, что делают англичане и его друг Стивенсон, а потом повторяет все это как обезьяна. гетры, костюмы, шляпы, носовые платки и карманы, полные любовных записочек.

Стелла. Да кто же за это может его дразнить? Пойди, поищи-ка! Потому что этим ты меня просто убиваешь! Про нашего друга.....

Дадис. Вот именно, друга! Знай, мы делаем огромную глупость, принимая этого субъекта в нашем доме, приглашая его на наши пикники и танцы.

Стелла. Конечно, нам надо закрыть двери у него перед носом, потому что он носит гетры!

Дадис. Ты права, ах, если бы это зависело от меня, ты бы увидела.....Это его свободное обхождение, которое он приобрел - приходит, когда вздумается! Все это мне не нравится совершенно!

Стелла. Вот это да! А папочка его любит и очень хвалит, поэтому Христкакис и приходит.

Дадис. Папа просто ведет себя согласно этикету. Он не знает, на что способна нынешняя молодежь. Стелла. На что, на что? Во всех отношениях достойный молодой человек!

Тетушка Ниония. К тому же, из благородной семьи, с которой мы поддерживаем связь уже многие годы.

Стелла (продолжает). Единственное его преступление состоит в том, что он красавец и нравится девушкам. Или это не все?

Дадис. Да, не все! И я давно хочу... уже долгое время хочу сказать это... Стелла, этот шут гороховый подозрительно на тебя смотрит.

Тетушка Ниония. Что это еще за разговоры?

Дадис. Стелла, я хочу, чтобы ты мне сказала одну вещь... Может он приставал к тебе? Скажи, не осмелился ли он?

Стелла. Я не из тех девушек....

Дадис. Я знаю, я не про тебя говорю, я о нем, потому что вижу, какой он Дон Жуан.

Стелла. Опять ты за свое!

Тетушка Ниония. Оставь-ка этот разговор, Дадис. Про таких девушек как Стелла не говорят подобных вещей. Она знает, как поставить человека на место, кто бы он ни был!

Стелла. Ах, оставь, тетушка. Не знаю, что сегодня с ним произошло.

Дадис. Да ничего не случилось! Я уже давно хотел тебе это сказать. И сейчас, когда увидел его в кондитерской....

Стелла (продолжает за него). Он вновь разжег твою ненависть.

Дадис (злобно). Почему он здесь каждый день ошивается по соседству, почему не ходит в свою кондитерскую, он ведь всегда раньше ходил туда, а теперь сидит в той, что напротив нашего дома?

Стелла (старается сделать вид, что ей смешно). Ему больше нравится наше мороженное.

Тетушка Ниония. И сладости, и сладости.

Дадис. Ах, оставь эти шутки, Стелла и скажи мне правду! Не писал ли он тебе чего такого.... Скажи мне! Клянусь Богородицей, тогда я спущусь сейчас вниз и на том же самом месте, где он сейчас сидит, повыщипываю ему волос за волосом из его редких усишек (подбоченивается, кладет руку на пояс, так как будто собирается схватиться за оружие).

Стелла. Сделай мне одолжение, побереги-ка свою богатырскую удаль на следующий раз.

Тетушка Ниония. Дадис, ну стыдно же!

Стелла. Ничего страшного. Дадис, знаешь ли, даже если бы и случилось что-то подобное, я бы никогда не обратилась к тебе за помощью. Слава богу, у меня еще есть отец!

Дадис (с той минуты как попытался продемонстрировать свою храбрость, рассеян и не слышит слов Стеллы). Я собирался взять сегодня с собой пистолет, и знаешь, вот что странно, но папочка спросил, есть ли у меня оружие.

Стелла (удивлена). Правда, папочка спросил, есть ли у тебя пистолет?

Дадис. Да, да.

Стелла (тихо Нионии). Ах, как плохо!

Тетушка Ниония (тихо Стелле, успокаивающе). Молчи.

Дадис (продолжает, не замечая, что беседует сам с собой). Я долго не мог понять чего хочет отец - чтобы я обзавелся оружием или наоборот его не носил, чтобы показывал чудеса храбрости или наоборот был тихим и смирным? (Маленькая пауза, обращается к Стелле). Помнишь, как я подрался со Склепсием и он дал мне тростью по голове, а папочка, рассерженный, бросил с силой меня на кровать?

Стелла (живо прерывает его). Да, да, помню. Ты лежал в кровати с перевязанной головой, а как только видел, что отец входит в комнату, начинал стонать и просить лекарства, чтобы он на тебя не сердился (смеется).

Дадис. Да, я помню как однажды, когда он рассердился, слышал, что он бормочет такие слова: «Убитым есть место в моем доме, а раненым - нет!». Уникальный человек наш старик!

Стелла. Вот уж, я его понимаю всегда!

Дадис. Ну, раз ты так его понимаешь, то скажи, что он имел в виду?

Стелла. Он хотел сказать, что если ты еще раз тронешь Склепсия, и он разозлится, то тебе, в конце концов, придется плохо!

Тетушка Ниония (дрожащим, испуганным голосом). Да что же это такое, Господи! Да что за разговоры вы сегодня ведете?

Дадис (Стелле). Ну да что сделаешь? А я сегодня опять безоружный, прямо как тогда! Слава богу, хоть про это вспомнил! Пойду, возьму пистолет и не буду с этим тянуть (идет в правую сторону).

Стелла. Ай да богатырь! Ты слышала, тетушка? Он завидует и не любит Христкакиса. Не хочет, чтобы.... Ах, да еще будет врать папочке!

Тетушка Ниония. Ну ты подумай, если Панагис что-то захочет, то никого слушать не будет, особенно Дадиса!

Стелла. Ну, почему он спросил его про пистолет? Как бы не случилось чего, я боюсь....

Тетушка Ниония. Успокойся и не переживай из-за этого пистолета, это послышалось Дадису. Или Панагис решил над ним подшутить, а Дадис не понял.

(В дверях появляется Мария Виоланти в простом легком пальто. Она полная, серьезная, на ее лице никогда не появляется улыбка. В руках у Марии маленькие свертки с покупками).

Стелла. А, ты пришла, мама?

Мария. Нет еще (подходит к столу, где складывает остальные свертки и садится). Ох, ну, наконец приехала, на улице так жарко!

Стелла. У тебя же была открытая коляска?

Мария. Нет, она была закрытая. Ох, вот уж сварилась, так сварилась!

Тетушка Ниония. И правда, боюсь, дождь пойдет, береги нас от того бог!

Мария. Чего это ты вдруг?

Тетушка Ниония. Весь ранний виноград прибьет ливнем.

Стелла (изучает покупки). Правда, даже сюда доходит аромат с поля, ах, как мне нравится, но береги нас Господь от дождя!

Мария (удивлена). Ну, ты их только послушай: «Береги нас Господь!». Как будто у нас есть виноградник!

Тетушка Ниония. Да, но у стольких бедных людей есть, про них то ты не подумала?

Мария. Хорошо, подумаю...(прерывается). Бедная Ниония, эти книги, которые ты читаешь целым днями, выбили у тебя из головы все мозги и ты уже не понимаешь, что говоришь.

Тетушка Ниония (обиженно). Хорошо, не буду, душа моя, не буду.

Стелла (пытается отвлечь мать от разговора с Нионией). Ах, какие замечательные покупки, мама! А эти детские чулочки там мне нравятся!

Мария. Младшенькие будут носить их со своими матросскими костюмчиками (маленькая пауза). Ох, сейчас ровно ничего в магазинах не найдешь, все поддельное, плохого качества, а цены, как огонь обжигают! Чтоб они пропали! (Внезапно.) Правда в одном магазине встретила господина Менулоса, разговаривала с ним почти полчаса. Он покупал зимние одеяла.

Стелла (иронически). Уже сейчас? Очень предусмотрительный человек!

Тетушка Ниония. Стелла, но ведь зима начинается с августа!

Стелла. А с марта лето!

Мария (строго). Ты совершенно не права, Стелла! Менулос – очень хороший и достойный мужчина! Симпатичный, приятный в общении, вежливый.

Стелла (иронически). А главное, он красавец!

Мария. А ты все гоняешься за красотой! На что она тебе? От нее толка нет!

Стелла. Зато толк есть в человеке с такой огромной бородавкой на носу, такой огромной, что у него один глаз смотрит на север, а другой на юг!

Мария. И это разглядела! Ну, немного косой мужчина, ну и что с того?

Стелла. А то, мама, что я тебя очень прошу, не говори мне о Менулосе. Не выйду я замуж за старика, каким бы богатым он ни был!

Мария. Старик! Ну, какой же старик-мужчина сорока пяти лет! Бог с тобой!

Стелла. Старый, молодой, а он мне не нравится! Так-то!

Мария. Ах, девичьи глупости, упускаешь момент, доченька, который тебе больше никогда не представится. Он самый богатый человек в нашем городе, и сейчас, когда решил жениться.....

Стелла (перебивает). Рановато что-то!

Мария (продолжает). Вот увидишь, как быстро у нас такого замечательного жениха перехватят!

Стелла. Желаю им счастья и удачи!

Мария. Да, да, посмотрим, что скажет твой отец!

Стелла. А мой отец ничего не скажет! Ты, наверное, заметила, что он никогда не говорил со мной об этом. Мой отец понимает, что это глупо выдать меня замуж за отвратительного старика только потому, что у него есть деньги и нездоровое желание сделать меня своей женой.

Мария. Нездоровое желание? Ну, как у тебя язык поворачивается такие вещи говорить!

Стелла. Да, нездоровое желание! Я читала в одной книге.....

Мария (прерывает). Тебе ее тетушка Ниония дала?

Стелла (продолжает). Старики, которые женятся на молоденьких девушках - нездоровые развратники!

Мария. Ты сама не знаешь, что говоришь (делает вид, что смеется). Ну, рассмешила! Действительно, говоришь какую-то чушь! Хорошо, хорошо, раз ты не хочешь, мы не отдадим тебя замуж за Менулоса. Хотя думаю, что со временем ты передумаешь.

Стелла (счастливая, быстро подбегает к матери и кидается ей на шею). Ах, мама.... Золотая моя мама! Ну, разве исчезли все красивые молодые люди из приличных семей? (Очень ласково.) Почему же ты вышла замуж за папочку - молодого и красивого, разве когда вы поженились, он был богат? Ведь он потом все заработал! Вложил твоё приданое в свою торговлю и стал богатым! Разве это неправда? Разве ты мне сама не рассказывала? (Ласково разговаривает с матерью и, одновременно, снимает с нее шляпу, целует в голову, но Мария остается все такой же мрачной, молчаливой и глубоко погруженной в свои мысли).

Тетушка Ниония. Стелла права! Что это ты такое говоришь, Мария?

Мария. Разве ты не пообещала, что будешь молчать...Ах, да, я забыла с кем говорю, тут как об стенку горохом! (Слышны шаги Дадиса). Тихо, перемените-ка тему!

Дадис (выходит из левой двери и достает револьвер). Вот он, я его почистил, зарядил, да что там! Хлопотал над ним как над невестой! (Направляет оружие на Стеллу.) Защищайся, Стелла!

Стелла (испуганно поднимает руки). Успокойся, не наделай глупостей!

Мария. Что за глупые шутки? Успокойся, Дадис!

Дадис (опускает оружие). Вы что, за сумасшедшего меня принимаете, несчастные? Он не заряжен! Кончились все патроны позавчера, когда мы стреляли по мишени с Ламбрием. Сейчас выйду, куплю (слышны шаги и кашель Панагиса Виоланти).

Стелла. Папочка!

Дадис (пристыженный). Ой! (Прячет поспешно пистолет за поясом и прикрывает его рукой.)

Мария (быстро собирает покупки, освобождая стол). Наконец-то пришел! Который час?

(Ниония закрывает книгу встревожено смотрит, где, что может быть не в порядке или не на месте. Общее волнение продолжается минуту. Видно, что все боятся Панагиса Виоланти).

Стелла (тихо к Нионии). Вытирает обувь. Он всегда делает это так долго, когда рассержен.

Тетушка Ниония. Или когда думает о чем-то очень серьезном.

Стелла. Пойдем по его лицу, не думаю, что он нам что-то скажет.

Тетушка Ниония. Я думаю, скажет.

Стелла. Ах, как у меня стучит сердце!

Панагис (заходит в комнату очень довольный, потирает руки). Вот и я! Здравствуйте!

(Панагис Виоланти красивый, полный мужчина с черной бородкой и усами, его волосы разделены прямым пробором, несколько седых прядей. На носу у него золотое пенсне, повсюду многочисленные украшения-дорогие и роскошные).

Мария (собравшись с духом). Здравствуй, Панагис. (Остальные боятся даже поприветствовать его. Стелла сидит тихо рядом с тетушкой Нионией, которая присела на диване. Дадис, в другом углу стоит, как каменный возле окна. Мария сидит за столом).

Панагис (весело). Ну что сегодня у нас, у христиан на обед, Мария?

Мария. Рагу и макароны. Ты же сказал мне с утра, вот я и приказала....

Панагис. Да, ты права. Ну, наконец-то я этого добился.

Стелла (к Нионии). Он в хорошем настроении.

Тетушка Ниония. Ну, я же тебе говорила!

Панагис. Да, все хорошо. Я сегодня буду есть и пить. Все хорошо!

Мария. Слава богу! Однако раз ты не замечаешь нашего удивления, я осмелюсь спросить тебя о причине твоей радости.

Панагис (садится рядом с Марией за столом). Нет, нет, сегодня спрашивайте меня что хотите.

Мария. Почему у тебя такое прекрасное настроение?

Панагис. Почему? Да потому что видел хороший сон! И знаешь какой? Мне приснилось такое, что в действительности никогда бы не могло произойти - как будто, ты меня побила, жена! (Все смеются.) Да, клянись богом (крестится со смехом)!

Мария (с интересом). Ну и что же тут хорошего?

Тетушка Ниония. Ах, это очень хорошо. Палка - это сила.

Панагис. Правда, молодец. Вот так вот. В этом мире печалится каждый и не знает почему, вновь радуется и снова не знает причины. Радость и грусть - переменчивые и бесконечные.... Не печалься, Мария, лучше приготовь-ка нам по стаканчику перед обедом.

Мария. Вот именно (звонит в колокольчик).

Панагис. У меня разыгрался аппетит (поворачивается к Дадису). Здравствуй, Дадис бессмертный, правая моя рука, нос у тебя с каждым днем становится все больше и больше!

Дадис (кривит нос так, что выходит смешная гримаса). А что я с ним сделаю?

Панагис. Ну что тут сделаешь? Таким уж родился. (Все смеются. Заходит Асиминия, Мария дает ей указания по поводу вина).

Стелла (к Нионии). Никогда не видела папочку в таком хорошем настроении. Что-то случится, плохое или хорошее.

Панагис (как только выходит Асиминия, смеясь). Господи, вы видели какие па выделяет Асиминия, когда ходит? Если кто увидит, лопнет от смеха! Уж до того дошла, что выглядит как потешная фигура Бертольда. (Возвращается Асиминия с подносом, оставляет его на столе и уходит. Панагис тайно посматривает за ней с насмешкой, а остальные еле удерживаются от смеха, и, когда она выходит, разражаются хохотом).

Панагис. Ну что я вам говорил - живая кукла! Ну, поднимайте живо ваши бокалы (встает). Мария, твой бокал! Ниония, тетушка Ниония и твой!...(Тихо.) Душенька моя (Громко) Стелла, твой бокал. (К Дадису.) Правую твою руку и твой бокал! Ну и мой, конечно! (Раздает бокалы и поднимает свой. Мария и Ниония сидят. Остальные продолжают стоять). Вот так вот - по старшинству. Ну а теперь все вместе, по команде как делают масоны (считает). Один, два...(внезапно, когда все ждут «три», чтобы осушить свои бокалы, он замирает.) Стойте, мне надо чокнуться со Стеллой. За твоё здоровье, Стелла! (Протягивает к ней свой бокал, и Стелла механически протягивает свой. Чокаются).

Панагис (внезапно, с неудержимой радостью). Итак, дочка, мои поздравления. Тот, кто тебя любит и тебе тоже безразличен, попросил твоей руки и я думаю, вы проживете вместе долгие годы (осушает свой бокал, все остальные остаются в изумлении с поднятыми бокалами, рука Стеллы дрожит).

Панагис (с нежным упреком). Стелла, ну разве мы не договорились, пей свое вино, не стесняйся! (К остальным.) И вы! И вы! (Стелла, не произнося ни слова, пьет и садится. Остальные пьют, они, по меньшей мере, удивлены).

Панагис (весело). Вот, я вас обрадую!

Мария (удивлением и радостью) Да что случилось? Что произошло, Панагис?

Панагис. Как, ты ничего не знаешь, не догадываешься? Ну и мать же ты! Христос Саманос, сын моего лучшего друга, оказал мне честь - попросил руки моей дочери и уверяет меня, что и Стелла согласна.

Дадис (разочарованно). Саманос!

Панагис (к Дадису). Молчи! Хоть ты и моя правая рука, я тебе не давал права слишком много разговаривать! (Обращаясь к Марии и одновременно вытаскивает из кармана письмо.) Вот его письмо. Я получил его сегодня утром. Вот как, тетушка Ниония, объясняется мой сон. Слушайте! (Открывает письмо и читает). Дорогой мой друг, господин Виоланти! Большая честь для меня....(быстро пробегает первые строки письма). Так, это не то, не то, а вот - слушайте (читает громко, с выражением). «осмелюсь предположить, ибо я почти уверен» - он уверен- «что ваша дочь не скажет нет, если вы согласитесь!» (внезапно повеселев) - в противном случае она просто нехорошая женщина, а ты –старый дикий болван...

Мария (строго обращаясь к Стелле). Стелла?

Стелла (вся сгорбившаяся, сжавшаяся, внезапно поднимает голову). Нет, мама...

Панагис (прерывает их). Милая, не думай об этом, я просто пошутил. Меня это не волнует, это их личное дело. Христинка хороший, а главное, достойный молодой человек, и как оказалось, благородный. Таким он мне кажется! Итак, с моего благословения, дети мои! Ну что тебе сказать? (С волнением.) Я всегда желал, чтобы ты вышла замуж за этого юношу!

Мария. И я, Панагис, и я полностью разделяю твое мнение!

Тетушка Ниония. Даже я, ну разве найдется другой такой молодой человек в нашем городе?

Панагис (к Нионии с плохо скрытым сарказмом) А, и ты! Молодец!

Дадис (внезапно громко). А мне Саманос не нравится!

Панагис (к Дадису). Молчите, вас, господин, не спрашивали. Разве я тебе разрешал открыть рот? Что бы я тебя не слышал! (Изменив тон, к Марии.) Это воля Господа, жена. Скажешь, он бедный, но мы богатые и этого вполне достаточно. Хорошая, благородная семья, добрые люди, достойный молодой человек - и дело решено! Итак, с моим благословением, дети мои. Сейчас он придет, и мы все решим окончательно. Что скажешь, Стелла? Я попросил его прийти к нам. Поторопился на радостях, но мне кажется, все же принял правильное решение. Лучше пусть поговорит о своих планах с нами, нежели мы с матерью узнаем о них от чужих людей. Народ сейчас пошел завистливый и злой, к тому же я знаю Христинку, выучил уже его характер, но мне он нравится и я рад его предложению. (Нежно). Итак, Стелла, девочка моя, что скажешь ты? Говори, не бойся! Нужно, чтобы я услышал это от тебя! Скажи мне!

Мария. Может быть, мечты Стеллы отличаются от желаний ее отца?

Панагис. Нет, нет! Не в этом дело! Я просто хочу, чтобы она мне сама об этом сказала.

Стелла (поднимается с трудом). Раз таково ваше желание, папочка.....

Панагис (ведет себя как сумасшедший от радости). Все сделано! Дело сделано! Ты просто капризничаешь сейчас, не так ли? Давай, давай, оставь эти глупости и подойди поцелуй руку своего отца! (Стелла приближается, внезапно Панагис убирает руку, как будто ему в голову пришла какая-то странная и смешная идея). Ты почему-то не говоришь, Стелла, как вы это все устроили. Давай, не бойся! Все уже решено! Мне как отцу нужно знать..... Скажи мне, он тебе писал?

Стелла (неуверенно бормочет, улыбаясь). Нет.

Панагис. Ну перестань же! Почему ты стесняешься! Мне кажется, раз он написал мне, вместо того чтобы поговорить, как делают все христиане, то ему, видимо, кажется, что писать письма - более легкая задача (весело). Не мог же он, дьявол его возьми, не написать тебе пару нежных слов! Так?

Стелла. Нет!

Панагис. Не притворяйся, девочка, скажи мне правду (с нежностью). Ну разве ты не скажешь отцу? Ведь я заслуживаю того, чтобы знать.....Ты же скоро станешь графиней Саманос! Давай же, я вижу, как ты смеешься!

Стелла (со смехом). Что вы хотите, чтобы я сказала? Да, он мне писал.

Дадис (в бешенстве, поднимает палец). А!

Панагис (подпрыгивает как от радости) Вот это да! И ты, конечно, ему ответила? Не может же он просто так утверждать в своем письме, что ты согласна? Или ты ему ответила устно?.....Устно, да?

Стелла. Да, и я написала ему пару слов.

Панагис (внезапно впадает в дикую ярость). Бесстыжая!

Дадис (он тоже в бешенстве, но изумленный и радостный, из горла у него вырывается сдавленный вопль). А! (Стелла испуганная, закрывается руками, пытается защититься. Панагис хватает ее и с яростью швыряет на диван, она же с криком ужаса прячется в объятиях сидящей тетушки Нионии).

Мария. Господи, какое горе! (Поднимается и в ту секунду, когда Стелла падает на диван, и Панагис отпускает ее, Мария становится между ними, пытаюсь помешать мужу и отдалить его от дочери). Оставь, оставь ее, Панагис, не волнуйся, не надо!

Панагис (с яростью). Как же, я ее оставлю! Как же, я не буду волноваться! Дай я убью ее!

Мария. Нет, Панагис, ради бога! Нас услышат (смотрит испуганно вокруг).

Тетушка Ниония (обнимает Стеллу, как бы защищая ее). Уймись, уймись!

Панагис (внезапно его ярость от страха быть услышанным исчезает, и он ограничивается словами, все еще сердитыми, но тихими). Из-за сына Саманоса - какого-то несчастного телеграфиста ты нас так опозорила? Да? И чего ты добилась этим? Чего? Только потому, что он носит гетры и канаре я буду его уважать, я, Панагис Виоланти? Я сделаю его твоим женихом? Выбрось это из головы и приготовься.....Но сначала я разберусь с ним, а потом уж покажу тебе, как пишутся письма! Несчастное ты существо!

Дадис (пока отец разговаривает со Стеллой, стоит молча, как вкопанный, внезапно он прерывает отца). Где этот бесчестный человек, который обрушил на наш дом такую беду? Где он? Да ведь он рядом, сидит там снаружи! Я его прихлопну как сардинку!

Панагис (бежит и хватается Дадиса). Эй ты! Куда идешь? Сиди здесь, осел! Я, парень, сказал ему прийти сюда - в мой дом, чтобы избежать огласки, а ты мне мешаешь, пропади ты пропадом, сиди здесь! (Бросает его с гневом на стул).

Асиминия (появляется из первой двери). Обед готов. (Внезапно все затихают, делая вид, что ничего не произошло, стараются улыбаться. Стелла, как труп лежащая в объятиях тети, в той самой позе, в которой ее швырнул на диван Панагис, внезапно поднимается, оправляет одежду и садится рядом с достоинством).

Панагис (в присутствии Асиминии старается казаться веселым). Давайте-ка пойдем обедать, а то так можно умереть от голода.

Стелла (поправляет прическу и тихо говорит Асиминии). Забери бокалы. (Тишина. Асиминия, не понимая, что происходит, забирает поднос с бокалами и выходит из комнаты).

Панагис (резко). Все за стол. Ты, Стелла, сделаешь вид, что больна, если ты еще не заболела, и поднимешься в свою спальню, так как я не хочу тебя видеть ни за столом, ни вообще. (К Нионии). Ты, Ниония, будешь обедать с нами, сама видишь, я прилагаю все усилия к тому, чтобы открыть тебе глаза на твою любимицу, которая не стоит ни твоей дружбы, ни любви. Вперед! (Выходит первый, за ним следуют Мария и Дадис. Остаются Стелла и тетушка Ниония).

Тетушка Ниония (едва удерживаясь от слез). Что делать, дитя мое?

Стелла (не двигаясь). Иди, тетушка, оставь меня, иди, ты же не хочешь сделать мне хуже?

Тетушка Ниония. (поднимается и вытирает глаза.) Хорошо, я уйду, но как же ты?

Стелла (поднимается внезапно). Не беспокойся обо мне, тетушка Ниония. Счастье нам улыбалось, поэтому я уже не боюсь! Мир рухнет, а я выйду замуж за Христа Саманоса! Вот увидишь!

Тетушка Ниония. Подумай, девочка моя.....

Стелла (продолжает, не слушая ее). Сейчас он придет, а я буду в этот момент там (указывает рукой в коридор), и если увижу, что они хоть как -то попытаются его обидеть, то сразу выйду. Не позволю и волосу слететь с его головы, даже если мой отец и брат убьют меня, даже если разорвут на клочки, слышишь?

Тетушка Ниония (сжимает в отчаянии руки). Стелла! Ну что за несчастье! Да...

Голос Панагиса (из комнаты). Ниония!

Тетушка Ниония. Сейчас, иду!

Стелла. Иди, тетушка, и ничего мне не говори, я знаю, что делаю, иди, иди, тебя зовут.

Тетушка Ниония. Хорошо (вздыхает и направляется к выходу, перед дверью останавливается и разворачивается). А ты, иди-ка наверх.

Стелла (опирается на стол, потом выпрямляется, руки ее горестно опущены). Да, я сейчас пойду наверх (думает). Нет, я останусь здесь.....Нет, я пойду наверх. Надо написать Христинке хоть пару слов, если я даже не могу с ним поговорить. То хоть письмо ему напишу. Так нужно, потому что...(Маленькая пауза. Задумчиво смотрит в пол, внезапно поднимает глаза и смотрит на тетушку Нионию, говорит, еле сдерживая слезы). Тетушка Ниония! Мне нет места в доме моего отца. (Поднимает медленно руки и обхватывает ими голову. Ниония тянется к ней с изумлением, ужасом и грустью).

Немая сцена.

Второе действие.

Та же зала. Панагис Виоланти в одиночестве, ходит туда-сюда по комнате, задумчивый и рассерженный, жестикулирует, изредка у него вырываются отдельные слова.

Панагис. О, дьявол, вот уж.....Ты смотри..... (через какое-то время появляется Асиминия с кофе)

Асиминия. Здесь будете пить ваш кофе, хозяин?

Панагис. Ну-ка, поставь здесь. Оставь его на столе и убирайся. (Асиминия оставляет поднос и уходит, Виоланти приближается к столу и стоя, делает два три глотка).

Дадис (выходит из первой двери со шляпой в руке). Отец, я должен идти в контору.

Панагис (задумчиво) Нет, а где эта девица?

Дадис. Наверху, закрылась в своей спальне.

Панагис. Прекрасно!

Дадис (бормочет). Ах, чертова баба! Подстроила нам такую неожиданную пакость! Хочет наказания за свои грехи!

Панагис (внезапно, не обращая внимания на слова Дадиса). А ты будешь сидеть здесь (показывает на первую правую дверь), чтобы избежать возможных инцидентов. Сейчас придет этот Антихрист, и я уже не знаю, чем себя успокоить.

Мария (появляется в дверях и слышит последние слова Панагиса). Ради бога, Панагис, не делай ему ничего плохого! Это же чужой ребенок! И слушай! Подумай! В нашем доме.....

Панагис. Мне не нужны ни советы, ни указания Вашей милости, госпожа Виоланти! Иди-ка отсюда, потому что когда я тебя вижу, я просто зверею! Никто мне не докажет, что ты ничего не знала!

Мария. Я правда, ничего не знала, Панагис, если бы я только догадывалась (делает пальцами крест и целует его), но для меня это сегодня было неожиданностью.

Панагис. Да, хорошая ты мать, скажу я! И где были твои глаза, и куда ты дела свои мозги, а?

Мария. Не знала я ничего, раз так перекрестилась. Спокойствие было у нас в доме. Как мне в голову могло прийти, что этот молодой человек приходил сюда с такими целями и позже имел наглость...

Дадис. Бесчестный! Да его выпотрошить надо было!

Панагис (Дадису). Молчи, ты! (Марии, иронически). Конечно! Как же тебе в голову могла прийти такая странная и необычная мысль!

Мария. Да разве он был первый, кого мы принимали у себя в доме, да со всей смелостью разве я могла предположить, что Стелла потеряет из-за него голову? Праздники, Панагис! Слава богу, уже как двадцать лет наш дом открыт для гостей.

Панагис. Я закрываю с этого момента наш дом, что сделаешь, если мир стал таким и дети наших старых друзей, которым мы могли полностью доверять, так ведут себя с нами.

Мария. Ты прав, Панагис. Общество портится сейчас.

Панагис. Хм! Ты говоришь мне, чтобы я не делал ему зла! Ах, милая, если бы мы жили в другие времена, те времена, когда богатые люди не должны были ни в чем отчитываться! Хм... Ты знаешь, что бы причиталось этому волоките, а? (С дьявольской улыбкой). Вот в это время, когда он пришел бы сюда, и был бы здесь какой-нибудь хороший человек, который - раз, да и отрезал бы ему сразу голову!

Мария (с ужасом, прикрывает лицо руками). Ой, молчи, бедный Панагис, если веришь в бога!

Панагис (продолжает). Я бы положил его голову в часы и так бы и оставил наверху. Естественно, позвал бы госпожу Стеллу. Христакиса Саманоса, хочешь? Потрудись его достать! Так сделал однажды один богач в старые времена с умом и знанием, когда дочь его полюбила смазливого парикмахера (допивает кофе с гневом).

Мария (с тем же движением) Уф! Дрожь по коже идет!

Дадис. А я слышал, что другой человек сделал так. Он увяз в подхалимстве одного негодяя. Пригласил его к себе домой и попросил его сорвать магнолию с дерева, а там рядом была одна глубокая яма, сверху ее были камни и земля, а под насыпью притаились люди. Один шаг – и мерзавец в яме! А приготовившиеся люди с лопатами снова засыпали яму землей. И ничего – как и не было! Чисто и хорошо!

Панагис (с диким хохотом). Ха-ха, вот так вот! (Слышен звон дверного колокольчика). Колокольчик! Вот и он! Идите отсюда! Быстро уходите! (Дадис бежит и прячется в ближней комнате. Мария делает вид, что уходит, но останавливается).

Мария (умоляюще) Панагис...

Панагис (с гневом). Уходите отсюда! Иди к дьяволу, в которого ты веришь! (Мария уходит).

Асими́на (появляясь в дверях). Господин, Вас спрашивает господин Христакис!

Панагис. Хорошо, скажи ему, чтобы он потрудился войти сюда (Асими́на уходит).

Христакис (заходит из главной двери живо и смело). Добрый день, господин Виоланти!

Панагис (совершенно другим тоном, сразу становится человеком оживленным, веселым и приветливым) Здравствуй, мой дорогой друг (подбегает и жмет ему руку). Ну, как ты поживаешь, мой мальчик? Хорошо?

Христакис(весело). Большое спасибо, прекрасно!

Панагис. Молодец, смотрю ты пришел точно в срок! Сначала зазвонил колокольчик у дверей, а потом уж часы отбили время... Ах, ну да, совсем забыл тебя обнять! Все с англичанами водишь знакомство? Правда...(прерывается и говорит другим тоном) Сядь, сядь, прошу тебя!(Почти насильно пытается усадить его в кресло, тот же остается стоять и Виоланти продолжает). Правда, так мы говорили об англичанах. Чем занимается твой друг Стивенсон? Сто лет его не видел.

Христакис. У него все хорошо.

Панагис. Передай ему привет от меня, прошу тебя! Возьми его к нам с собой как-нибудь поиграть в вист, скажи ему, что у меня есть и виски. Я его купил, знаешь, на английском пароходе, который причалил в порту несколько дней назад. Ах, как мне нравится этот человек, настоящий джентльмен.

Христакис. Да, он очень хороший.

Панагис. А не скажешь ли ты мне так просто, из интереса, какая у Стивенсона зарплата на телеграфе?

Христакис. У него хорошая зарплата. Получает двенадцать лир в месяц.

Панагис. Прекрасно! Двенадцать английских лир, это очень хорошо. А у тебя, какая зарплата, не верю,

что ты уже получаешь уже столько же. Да?

Христакис (делает вид, что смеется). А, куда мне... У меня даже половины этого нет.

Панагис. Может даже трети?

Христакис. Нет, почему, я получаю пять лир.

Панагис (изображает приятное удивление) Пять лир! Это очень хороший доход! Молодец! Со временем...а?

Христакис. Надеюсь, что догоню Стивенсона.

Панагис (садится напротив Христакиса, но как-то далеко). Да, конечно, человек потихоньку продвигается в мире, все устроится. Лишь бы здоровье было. (Вдруг Панагис принимает задумчивый вид, Христакис начинает волноваться).

Христакис (нерешительно, с трудом). Господин Виоланти, Вы получили...?

Панагис. (приходит в себя и вновь становится веселым) Да, да, получил... Но не беспокойся, мы об этом поговорим, у нас еще есть время... Сначала расскажи мне новости. Что ты слышал сегодня на рынке?

Христакис. Ничего.

Панагис. А на телеграф не пришла какая-нибудь новость, чтобы развлечь народ?

Христакис. Нет, на телеграфе нет новостей, господин Панагис (обмахивается своим цветастым платком). Только очень жарко.

Панагис. Ну конечно, жарко! Разве может не быть жарко в июле и в августе? Как же иначе созреет и высушится на солнце виноград? Как нам тогда жить, бедным?

Христакис (смеется). Бедным?

Панагис. Да, конечно, бедным! А как тебе кажется? Если Господь 2-3 лета не даст нам такой жары, что станет с нами, с купцами и помещиками? (Со злостью). Мы, видишь ли, не такие, как вы, не сидим ни у кого на шее и не получаем жалованье, независимо от того, дождь ли на улице, а может и снег; и как твой отец, мой приятель, который сдает один - два дома в Кезверья, сущие развалины, а потом бездельничает в казино! Мы люди тяжелого труда, и все, чего мы добились, оплачено нашим потом и тяжелой работой, не можем мы швыряться деньгами. Одно мы, другое – вы, не знаю, понял ли ты меня.

Христакис (беспокойно). Нет, нет... что Вы хотите сказать, господин Виоланти?

Панагис (с выражением). Я хочу сказать, душа моя, что... (внезапно прерывается, поднимается, подходит к Христакису, становится напротив и начинает с гневом). Ты знаешь, кто я такой?

Христакис (удивленный и испуганный, поднимается). А!

Панагис (берет его за плечо и насильно сажает обратно). Сядь и слушай! (Продолжает). Знаешь, если я захочу, то могу очень сильно тебе навредить! Очень! Да, я мог бы, просто пошевелив пальцем, полностью разорить твоего отца, если бы хотел. Могу камня на камне от вашего дома не оставить! Знаешь, раз мы сейчас одни, то я тебе скажу, я могу просто плюнуть и ты утонешь, да я найду какого-нибудь хорошего человека и он тебя покалечит! Знаешь, я могу сделать так, что ты очень дорого заплатишь за то, что сделал.

Христакис (удивленный, смотрит во все глаза на Панагиса). Что я сделал? Я прошу прощения.

Панагис (продолжает, как будто ничего не случилось). Да я тебе ничего не сделаю. Я тебя прошу и за письмо, которое ты послал мне и за те, которые ты послал моей дочери. Я все это знаю, молчи! Я тебя прошу даже за то, что ты позор принес в наш дом, ничего тебе не сделаю и никому не скажу. Единственное что... Слушай меня внимательно! Единственная вещь, которую я хочу получить от тебя, одну единственную вещь!

Христакис (с некоторым облегчением). Что Вы хотите? Все, что угодно!

Панагис (медленно и по слогам). Дай мне письмо, которое тебе прислала моя дочь!

Христакис (без колебания) Прекрасно, оно у меня с собой (поднимается).

Панагис. Хорошо, давай его.

Христакис (достаёт свой кошелек, вытаскивает оттуда сложенный листок бумаги и отдает Панагису). Возьмите!

Панагис (берет письмо с радостью, разворачивает его, смотрит, снова сворачивает и держит в руках). Спасибо!(Стоит с минуту и смотрит на Христакиса). Вот, что я тебе скажу. Не верю, что ты никому его не показывал.

Христакис (живо.) Нет, нет!

Панагис. Я тебя спрашиваю, потому что знаю, что вы, молодые люди всегда хвастаетесь, когда достигаете подобной цели.

Христакис. Нет, нет, господин Виоланти, я Вам клянусь!

Панагис (иронически). Всем святым, что у тебя есть?(Вслух). Хорошо, хорошо, я тебе верю, или делаю вид, что верю, ну как хочешь... Все остальное мне безразлично. Только заруби себе на носу, сынок, что свою дочь я никогда за тебя не отдам, я тебе это честно говорю, дочь Панагиса Виоланти не для сына Михалиса Саманоса. Хоть она тебе тысячу писем напишет, и ты ей тысячу пошлешь, будет то же самое. Так что смотри, не рискуй больше так, говорю тебе.

Христакис (трусливо пятится к двери). Нет, нет...

Панагис. Ну, я не знаю! Ну, давай, счастливо! (Иронически.) Уж прости, что не могу уделить тебе больше времени, но у меня есть дела.

Христакис. Кланяюсь! (Исчезает.)

Панагис. Эй, где ты там? Постой секунду. Подойди-ка ближе! (Христакис испуганно возвращается и приближается к Панагису.)

Панагис (медленно). Про эту историю, что мы с тобой говорили, я не хочу, чтобы кто-то знал, в том числе и твой друг Стивенсон, чтоб глаза мои его больше не видели. Слушай меня, будешь отвечать за это.

Христакис. Хорошо, хорошо.

Панагис. И еще кое-что. Чтобы люди ничего не заподозрили, я не хочу, чтобы ты перестал появляться в моем доме.

Христакис (с удивлением). Как?

Панагис. А вот так. Послезавтра. 15 августа, наш праздник и ты придешь поздравлять нас вместе со своим отцом. А там уж посмотрим, я уж скажу тебе. А вот когда выйдет замуж Стелла, уверяю тебя, она выйдет замуж очень быстро, как и положено, потому что младшие еще маленькие... Ну как, согласен?

Христакис (совершенно смущенный). Хорошо!

Панагис (смеется). Что, застенялся? За одним пришел, другое получил, пришел за волосами, а ушел бритый налысо? Вижу, несправедливо, но что я могу сделать? (Резко). Давай, уходи, пропади ты уже пропадом. (Внезапно поворачивается к нему спиной, как будто что-то вспомнил и выходит в первую правую дверь. Одновременно и Христакис, как пленная птица, которую выпустили на волю, подбегает к двери).

Стелла (бледная, пораженная происходящим, выбегает внезапно из дверей и заслоняет Христакису дорогу в коридор). Не бойся, не оставляй меня, люби меня! (Слышен стук двери. Стелла выбегает на середину сцены и бежит к окну. Стоит несколько секунд и смотрит в ужасе на дорогу, куда выбежал Христакис.) Ах, несчастье, уходит! (Отдаляется от окна и безжизненно падает на кресло слева). Даже не обернулся, не кинул мне ни одного взгляда!

Дадис (со шляпой в руках появляется из второй правой двери и останавливается перед Стеллой). Вот, видишь. Вот так вот! Вот, что ты вытворила, госпожа Стелла!

Стелла (медленно и презрительно). Оставь меня!

Дадис (громче, проходит несколько шагов). Ты что, меня не видишь? Не слышишь, что я тебе говорю? Это я!

Стелла. Я тебя вижу.

Дадис (подходит ближе). И не боишься меня? А? Или будешь снова со мной говорить о семейной иерархии и других глупостях? Бедная моя! После того, что ты сделала, ты здесь в доме последняя и худшая. И я тебе покажу, кто у нас старший, я или ты!

Стелла (не двигаясь). Оставь меня в покое!

Дадис (подходит еще ближе с выпученными глазами). Это ты мне сказала, так?

Стелла (равнодушно). Тебе.

Дадис. Ах, ты упрямая девчонка (хватает стул и делает вид, что сейчас бросит его). Так нас опозорила. С каким лицом нам теперь появляться перед людьми! Умалишенная! (Трясет стулом). Вот схвачу и запущу его тебе в голову. (Прерывается от сильного гнева).

Стелла (поворачивает голову, как бы указывая в сторону). Яблоко от яблони недалеко катится.

Дадис (с новым приступом гнева). Что ты сказала? Это ты сказала про меня и про моего отца? Да, как у тебя язык повернулся такое сказать, у тебя, которая....

Панагис (все еще с письмом в руке врывается в правую дверь). А, господин Дадис! Временный начальник!

(Стелла садится).

Дадис (пристыженный, продолжает тем же тоном, которым ругал Стеллу). Что бы ни шагу отсюда! (медленнее) Не стыдно? Писать молодому человеку! Да тебя убить мало!

Панагис (тем временем приближается к Дадису сзади и дает ему подзатыльник, а потом толкает к двери). Иди отсюда, наглый трус! Будешь сейчас изображать перед нами буяна! Я хорошо тебя знаю! А сам здоровался раньше с негодяем за руку! (Раздраженно). Вот они новые молодые люди! Видишь, Стелла, какие богатыри сегодня собрались в нашем доме! Иди-ка в контору, Дадис, да не перепугай там все, что я тебе оставил. А я задержусь. У меня еще здесь дела. Давай! (Подталкивает его в последний раз и выставляет за дверь, оборачивается к Стелле). А ты где была, почему мне ничего не сказала? Я тебя отправил наверх.

Стелла (с уважением, но без страха и немного упрямо). Я была наверху и сейчас спустилась.

Панагис. Зачем?

Стелла. Просто так.

Панагис. Просто так! И не спросила меня, можно ли тебе спуститься?

Стелла. Я не знала, что я заключенная!

Панагис. Хорошо, ты заключенная! С сегодняшнего дня ты заключена в своей спальне. Я тебя закрою, я тебя и выпущу, когда захочу.

Стелла. Прекрасно.

Панагис (стоит и дико смотрит на нее, потом разворачивает письмо и сует его ей в лицо). Ты знаешь, что это?

Стелла (опускает глаза и не отвечает).

Панагис. Знаешь, и, вижу, хорошо. Слушай меня (читает ей письмо выразительно, слово за словом). «

Да, Христакис, и я люблю тебя, люблю так, что не можешь себе этого представить». Слушай! «...так, что не можешь себе этого представить. Я твоя, люби меня, Стелла». (Маленькая пауза). Хм! «Я твоя...» (молчание, смотрит попеременно то на письмо, то на Стеллу). Как ты могла написать такое? Как ты могла себе такое представить? Удивляюсь... Ты еще совсем девочка! Люди-то знают! По какому праву ты отдалась чужому человеку, кто сказал, что ты сама собою распоряжаешься? А? Что ты стоишь и на меня смотришь? Почему не падаешь ко мне в ноги и не просишь прощения?

Стелла (твердо). Я ничего плохого не сделала. И он тоже. Хотел просить моей руки, как честный человек, как вы сказали сначала и спросили, хочу ли я. В этом письме нет ничего такого. Я дала ему его, чтобы он смог просить моей руки. Я ничего плохого не сделала.

Панагис (удивленный, но не уступает). Что? Что? Что ты говоришь? Ты мне это сказала? Я хорошо слышал? Я ничего плохого не сделала? (Маленькая пауза. Вновь приближается к ней). Хорошо! Хорошо. Посмотрим! Да, и прошу тебя, не забивать себе голову речами, похожими на ту, что ты сейчас произнесла. (Повелительно). Дай мне письмо, которое тебе прислал Христакис.

Стелла. У меня его нет.

Панагис. Письмо, говорю тебе, дай мне его.

Стелла. У меня его нет.

Панагис (кричит). Вранье, оно у тебя.

Стелла. Нету, давай обыщи меня.

Панагис. Наверное, оно у тебя наверху или где-нибудь в другом месте, пойдешь, принеси мне его!

Стелла. У меня его вообще нет!

Панагис. Что ты с ним сделала?

Стелла. Порвала, от страха, что его кто-нибудь увидит, только прочла его, сразу порвала на маленькие кусочки и выбросила.

Панагис (раздраженно). Ты? От страха? Страх и ты? Не рассказывай мне сказки! Давай быстро письмо, потому что я тебя убью (звереет и хватается за локоть). Письмо!

Стелла (кричит со страхом, но упрямо). Мамочка! Нету его у меня! Нету! Убей меня, нету! (На крик спешит из второй двери Мария, Ниония следует за ней).

Мария (с ужасом) Панагис! Ради бога! Вас услышат слуги. Оставь ее, что это!

Панагис (отпускает Стеллу и одновременно поворачивается к Марии). Что это? Ты еще спрашиваешь? Давай, открой наконец свои глаза и посмотри, что у нас за дочь! (Он тычет ей в лицо письмо Стеллы). Читай, ну читай! (Между тем Стелла падает в кресло. К ней подбегает Ниония).

Мария (пытается оттолкнуть руку мужа от лица и одновременно читает письмо). Ох, сделала глупость, что она наделала! Боже! Но прости ее Панагис, в первый и последний раз! Она больше не будет так поступать.

Панагис. Нет, больше она так не сделает. Спроси-ка ее саму. (Внезапно поворачивается к Стелле. Смотрит на нее, сидящую в кресле, задыхающуюся от ужаса. Рядом с ней сидит Ниония и успокаивает ее и ласкает. Панагис хватается Нионию и отталкивает от Стеллы). Мы про тебя сейчас говорим. Знаешь, куда я тебя выгоняю? Соппротивления в своем доме не хочу. То, что делаю я, делают все остальные. Ты что, добра с ней и успокаиваешь, слушай, еще этого нам не хватало? Какая-то девица, которая поднялась и пошла против своего отца (ударяет себя в грудь)!

Мария (становится между ними и снова пытается оттолкнуть его от Стеллы). Не переживай, Панагис! Оставь ее, я ей дам наставления!

Панагис. Поздно, жена, очень поздно.

Мария (тихо, чтобы ее не услышала Стелла). Оставь ее, не видишь, как она себя чувствует? Заболела!

Панагис (громко). А мне какое дело? Хорошо бы, чтобы она заболела и умерла, пусть идет к дьяволу, этого я больше всего прошу у бога! Да, да, пусть умрет. Только это может спасти ее от бесчестья и стыда. Девушка, которая потеряла стыд и написала чужому человеку «я твоя» не может больше жить в моем доме. И если она сама не умрет, то я сам убью. (Женщины затравленно молчат. Панагис направляется к двери, собирается уходить. Внезапно останавливается, подходит к столу, молчит, размышляет.)

Мария. Тебе что-то нужно, Панагис?

Панагис (садится за стол). Нет, Нет. Сядь, Мария, сядь и ты, Ниония. Хочу сказать пару слов Стелле в вашем присутствии. У нас еще есть время, чтобы все изменить...потихоньку, может быть... Она говорит, что ничего плохого не сделала и не хочет просить у меня прощения. Хорошо. Я ее прошу просто так. Достаточно будет того, что она исполнит одну мою просьбу. Стелла, хочешь ты хоть раз выполнить просьбу своего отца?

Мария. Она только и ждет этого, Панагис. Стелла...

Панагис (прерывает Марию). Тебя я не спрашивал!

Стелла. Я вас выслушаю, и если это только в моих силах.

Панагис. Прекрасно, девочка моя. Итак, слушай! Знаешь, почему я отказал Христакису? Потому что Христакис тебе не нужен. Поверь своему отцу, который знает мир лучше, чем ты. Христакис тебе не нужен. Тебе подойдет кто-нибудь другой. И такой человек нашелся и он просит твоей руки и не опозорил тебя! Поступил так, как делают все порядочные и уважаемые люди, а не как подлец, который равнодушно относится к моим деньгам и делает вид, что влюблен в тебя. Он не писал ни мне, ни тебе, а просто послал

одну нашу приятельницу к твоей матери.

Мария. Да, да!

Панагис. Я не сказал тебе правды только потому, что мне показалось, ты еще слишком мала для замужества, а когда меня спросила об этом твоя мать, я сказал ей: «Оставь ее, она еще успеет настрадаться в браке!»

Мария. Правда, правда.

Панагис. Так слушай, сегодня я увидел, что время для тебя все же пришло, раз тебе уже начали делать предложения, то пусть это свершится побыстрее....Только так мы все исправим! Итак, этот человек, который хочет на тебе жениться, и он мне нравится, и я хочу, чтобы он стал твоим мужем, ты его знаешь, Стелла! Это Дадос Менулос.

Стелла (быстро поднимается). Никогда! Папа, прошу тебя, не говори этого! Про Менулоса я знаю, мне мама уже сказала...и я ей ответила, что я не хочу, что он мне не нравится. Скорее я умру, чем выйду за него замуж. Никогда!

Панагис (поднимается и говорит безразлично) Итак, нет?

Стелла. Нет!

Панагис. Ну, я даже не сомневался, просто так спросил, чтобы успокоить свою совесть (саркастически смеется). Вот к чему пришли! Или Христакис или никто!

Стелла. Нет, я не сказала, что я хочу выйти замуж за Христакиса без вашего на то разрешения. Я никогда такого не говорила. Но я не выйду замуж за того, кто мне неприятен. Это мое право.

Панагис: Это твое право? А если я хочу, чтобы ты вышла замуж за Менулоса, что ты на это скажешь?

Стелла. Я не знаю.

Мария (с упреком) Стелла!

Панагис. Не знаешь, хорошо, а если я тебя запру здесь наверху в мансарде и оставлю на хлебе и воде, до тех пор, пока ты не переменишь своего решения и не упадешь мне в ноги, говоря: «Да! Я согласна!» Так я и сделаю, точно.

Стелла. Закройте меня в мансарде....

Мария: Господи, Боже мой!

Панагис: Да, в мансарде. Мебелирую ее по своему вкусу, только не думай, что я перенесу туда прекрасную мебель из твоей спальни... Остынь, моя девочка! Ты даже не будешь видеть ни других людей, ни тетушки Нионии, которая так тебя любит и во всем тебе помогает. Ключ будет у меня, и я буду приносить тебе еду и воду. И ни книг, ни вышивания, ни фортепиано, ни бумаги с пером (показывает письмо). И за это время ты подсчитаешь, сколько ты сможешь так прожить.

Стелла. Чем быстрее я умру, тем лучше для меня.

Тетушка Ниония. Господи, Боже мой!

Панагис. И для меня тоже, уверяю тебя. Но не забывай про маленькое окошечко, через которое забираются мастера, когда поправляют черепицу на крыше. В любой момент ты тоже можешь выйти туда, стать на краю, перекреститься и ..

Стелла. Нет, этой радости я вам не доставлю. Можете заморить меня голодом, забить палками, просто уморить. Но чтобы я совершила самоубийство, у меня такой и мысли не было. (Мария и Ниония в ужасе, они хотят что-то сказать, но боятся. Их поведение полностью отражает их мысли).

Панагис. Стелла, Стелла, не раздражай меня еще больше, почему тебе кажется, что я шучу, я в жизни не говорил серьезнее, чем сейчас.

Стелла. Я вам верю.

Панагис: Верить, но все еще говоришь: «Нет».

Стелла. Нет!

Панагис. Итак, хорошо. Ты упряма, и я упрям. Будем воевать до тех пор, пока один не победит другого.

Стелла (тихо). Да.

Мария (с грустью и страхом) Но, Стелла! Что с тобой сегодня произошло? Куда делась твоя правильность? Первый раз слышу, чтобы ты так разговаривала с отцом.

Панагис. Подожди, жена, она переменит свое решение! И не только Стелла! Пойдем-ка! Пойдем, можешь мне перенести мебель в мансарду!

Мария (испуганная). Но, Панагис...

Панагис. Слушай, что я тебе говорю, пошли, иначе возьму с собой Асиминию и про это узнают слуги. Тебе нравится? Если не нравится, иди за мной. (Выходит в главную дверь).

Мария (бежит за ним). Ах, боже мой, ну откуда же взялся этот Саманос? Отвратительный парень! Все из-за него пошло наперекосяк! (Выбегает, как сумасшедшая).

Тетушка Ниония (умоляюще). Стелла, детка, почему ты так поступила, почему?

Стелла (не обращает внимания на ее слезы, но подходит к двери, смотрит). Поднимаются. (Стремительно подбегает к Нионии.) Молчи, тетушка, мне не нужны советы. Ничего не говори, я сделала то, что нужно было сделать и теперь как будет, так и будет.

Тетушка Ниония. А если они тебя и правда закроют?

Стелла. Даже если меня закроют, то у меня есть свои планы (достает из кармана письмо). Вот письмо,

возьми его.

Тетушка Ниония (берет письмо). Что это?

Стелла. Всеми силами постарайся сделать так, чтобы его получил Христакис. Сегодня или завтра, побыстрее. Я быстро написала его, когда была наверху, уже после того, как отец устроил сцену, поэтому я рассчитывала отдать ему в руки или бросить в окно, не знаю... Но он так испугался, несчастный, что убежал, как сумасшедший и я не успела.

Тетушка Ниония. Несчастный ребенок! Как он его напугал.

Стелла. Отец сказал, что Христакис повел себя, как трус, но я не согласна. Как трус повел себя только мой отец, который так обругал его и унизил в нашем доме. Каждый человек, и я тоже, если бы был на месте Христакиса, растерялся бы и испугался.

Тетушка Ниония. Правда, детка.

Стелла. Ох, лишь бы Христакис получил это письмо! Но спрячь его, тетушка Ниония, спрячь, а то отнимут. Увидите, что он не трус. Он никого не испугается и найдет способ, чтобы мне ответить. Только тогда я сделаю вид, что передумала и попрошу прощения.

Тетушка Ниония. А почему не сейчас?

Стелла. Сейчас? Тогда завтра они обручат меня с Менулосом. Нет, нет, лучше пусть закроют меня! Все это перенесу, все! Не верю, что я умру до того момента, пока не придет Христакис и не спасет меня. Вот, что я сказала и повторю, тетушка Ниония: мне нет места в доме моего отца.

Тетушка Ниония. Пусть господь поможет тебе!

Стелла (нервно хватая руку Нионии, внезапно). Тетушка Ниония! Ты должна признать, что разговор моего отца с Христакисом был делом бесчестным!

Тетушка Ниония. Я не слышала, детка.

Стелла. Зато я слышала, тетя. Я там была (показывает на дверной косяк). И знаешь почему? Господи! Как мог мой отец такое говорить и вести себя подобным образом. В нашем доме произойдет что-то ужасное, из-за того, что сделал сегодня мой отец. (С ужасом). Нет, это было бесчестно, это было не по-человечески!

Тетушка Ниония. Что он ему сказал?

Стелла (с ужасом). Не могу даже произнести. Поверь, тетя, удивляюсь, как Христакис не ударил его тростью по голове за такие слова. Он не сделал этого только из-за меня.

Тетушка Ниония. Неужели все настолько ужасно?

Стелла. Несчастный парень! Зашел в пещеру зверя с доверием и надеждой. (Маленькая пауза, чуть позже, с живостью). Поэтому я так и разговаривала с отцом сегодня, так, что ты меня не узнала. Правду говорят, что иногда и минуты хватит, чтобы изменить свое отношение к человеку навсегда. Со мной это произошло, я это чувствую. Что-то происходит внутри меня, тетушка Ниония, что-то новое и непонятное, что подталкивает меня вперед, дает мне силы и заставляет поступать так и никак по-иному. И еще, я чувствую, тетушка, что я права, а отец – нет. (Со страхом и некоторым мистицизмом). Не знаю, как это объяснить, но мне кажется, что я поступаю согласно природе и общечеловеческому закону. Мне кажется, что Господь Бог видит людей с небес, и он согласен со мной и благословляет!

Тетушка Ниония (взволнованная). Возможно, дитя мое, Я не знаю, что тебе сказать.

Стелла. Ничего не говори. Не хочу, чтобы ты что-то говорила. Не хочу я быть несчастной всю свою жизнь, если послушаю тебя. Ведь ты мне скажешь, что должна слушаться своего отца и выйти замуж за человека, который вызывает у меня ужас. Нет! Клетка, которую они мне сейчас готовят, обрадует меня, как рай. Здесь внизу или наверху, все равно... (Быстро). Тетушка Ниония, не отнесись пренебрежительно к моему письму! И молчи! Спускается отец! (Слышит шаги Панагиса. Стелла отходит от Нионии и стоит возле кресла, на котором прежде сидела.)

Панагис (появляется в дверях, у него злое выражение на лице). Готово, жесткий матрац, одеяло, деревянная кушетка, глиняный кувшин. Ничего другого. Итак, что скажешь? Передумала?

Стелла. Нет!

Панагис. Твоя мать плачет в своей спальне. Я ее там закрыл на какое-то время, чтобы она не устраивала мне сцен. Несчастливая, тебе ее не жаль. Последний раз спрашиваю тебя, ты передумала?

(Снаружи в коридоре слышатся шажки, детский смех).

Тетушка Ниония. Закончились занятия. Нене и Катина пришли.

Панагис (кричит в направлении двери). Пусть малышки идут наверх и не опускаются сегодня вниз вообще (шажки отдаляются). Стелла заболела. (Поворачивается снова к Стелле.) Ты больна, точно, для всего мира твоя болезнь – ничто, а для малышей она заразна. И их не хочу, чтобы ты видела. Итак, в последний раз спрашиваю, ты переменила свое решение?

Стелла (выразительно, но бессильно, еле слышным голосом). Нет!

Панагис (громко). Прекрасно! (Показывает Стеле рукой на дверь и следит, чтобы она поднялась.

Занавес.

Третье действие

Та же самая зала. Прошло двенадцать дней. Панагис сидит за одним столом с Нионией и Марией. Они продолжают начатый разговор.

Панагис (размышляет). Да, тяжелое положение, так все получилось... Очень тяжелое.

Мария. Что я могу тебе сказать. Говорила же: «Делай так, как бог тебе подсказывает».

Тетушка Ниония. В конце концов, Панагис, мне кажется, что я могла бы обратиться к тебе с одной просьбой и ты бы мог ее исполнить. Я, которая пожертвовала собой ради вас.

Панагис. Пожертвовала? И что это значит? То, что ты не вышла замуж. Кто тебе виноват?

Тетушка Ниония. Да, не вышла. Однако, ты забываешь, Панагис, что в то время, когда я могла это сделать – от 20 - до 30 и даже позже, приданого, которое мне оставил отец, уже просто не было.

Панагис. Хорошо, перестань, хорошо.

Мария. Почему?

Панагис (к Марии). Оставь ее!

Тетушка Ниония. Потому что его забрал мой брат и ничего мне не оставил. Спроси его, пусть он тебе скажет! На моих деньгах он поднялся, но однажды, впоследствии...

Панагис (живо). Что впоследствии? Неужели впоследствии я не отдал это вдвойне и втройне?

Тетушка Ниония. Да, но слишком поздно.

Панагис. Да вранье, сколько раз тебе делали предложение, но тебе никто никогда не нравился.

Тетушка Ниония. Все они сватались только из-за моих денег, никто не хотел меня. Ведь я была уже немолода и предпочла нянчить твоих детей.

Панагис (со злостью). И что ты хочешь сказать, поскольку я потратил твое состояние, поэтому...

Тетушка Ниония. Я это не сказала.

Панагис (продолжает). Хорошо, поскольку ты стала жертвой ради моих детей, прекрасно ты их вырастила, радуйся. Хочешь, чтобы я сейчас исполнил твою просьбу и выпустил Стеллу, простил бы ее, не заставляя просить прощения?

Мария. Но, нет..

Панагис. Как бы говоря ей при этом: « Продолжай в том же духе! Прекрасный пример это будет для младших! Прекрасно, если это услышат дети, правда?

Мария. Нет, Панагис, она упадет тебе в ноги и будет просить прощения.

Панагис (с готовностью). А, прекрасно! Если она упадет мне в ноги, и будет просить прощения – мне ничего другого и не надо. Что я могу сказать вам, жена и сестра, меня взбесило упрямство этой девицы. Двенадцать дней уже, как закрыта, на хлебе и воде и не уступает. Спрашиваю: «Передумала?» - «Нет!». Вот мерзавка!

Тетушка Ниония. Это потому, что ты с самого начала обращался с ней плохо, а Стелла не хочет так.

Мария. И, правда, Панагис. Ты выбрал очень плохой метод. Ну за что ты бросаешься на взрослую девушку, за что? Она не сделала...

Панагис. Да оставь меня, итак не могу уже. Меня давит, душит, доводит вплоть до этого (хватается за горло). И если она сейчас изменит свое решение, думаешь, я обрадуюсь, что прекратились ее страдания? Нет, она не стоит этого. Я просто возвращу своему дому спокойствие и мир.

Тетушка Ниония (плачет). Ты жестокий отец, Панагис! (Маленькая пауза).

Панагис. Жестокий отец, да? Нет, Ниония (садится), я хороший и достойный отец. Я не обращаю внимания на то, что мое сердце обливается кровью и делаю верные вещи ради чести, уважения и счастья моего дома. Ты же видела, что когда мы выходим на улицу, как на нас смотрят люди! Они гордятся нами и считают нас счастливыми. И все говорят: «Молодец, Панагис! Хороший и достойный семьянин». Ради этого людского уважения, Ниония, я живу. Делаю все, чтобы сохранить в доме дисциплину и порядок. А если кто-то поднял против меня руку, я ее отрублю, несмотря на всю свою любовь. Я как хороший и справедливый царь, который даже своего сына накажет, посадит в тюрьму и убьет, а может быть и проклянет, если тот преступил закон.

Тетушка Ниония. Может быть, ты и прав.

Панагис. Я не могу быть неправ. Ты, конечно хотела бы, чтобы я был, как осел, который во всем слушается женщин и сказал: « Ах, она любит Христкакиса, прекрасно, пусть выходит за него замуж!» Чтобы потом впоследствии биться головой об стенку от горя.

Тетушка Ниония. Но и Стелла права! Она полюбила!

Панагис. Полюбила? И что это значит? У моей дочери нет права любить.

Тетушка Ниония. Где это написано?

Панагис. Я написал это! Любить – ну и причина! Смотри-ка, кого полюбила!

Тетушка Ниония. Христкакис неплохой. Если бы он тебе нравился и ты бы хотел, чтобы он был мужем твоей дочери, ты бы не видел в нем ничего плохого, уверяю, тебя. Ну, а...(вздыхает).

Панагис. Правда твоя. Хочешь, чтобы я выдал ее за Христкакиса?

Мария. Господи, ну кто говорит, что бы ты выдавал ее за него замуж, за этого негодяя. Молчи, Ниония, увидишь, он ее сделает несчастной на всю жизнь. Посмотрим только, когда она это поймет и оставит свое упрямство, которым пытается нас наказать.

Панагис (прерывает). Поговори с ней ты, поговори с ней хоть раз, как мать. Хочешь, я приведу ее сюда для этого немедленно?

Мария. Еще бы, я же тебе говорила! Или она несчастная...

Тетушка Ниония. Да, Панагис. Пришло время закончить эту историю. А Стелла сама, я уверена, передумает, если Мария поговорит с ней осторожно...как надо.

Панагис. Я разве сказал нет. Что я вам говорю уже столько дней. Вот (достаёт из кармана ключ) ты, Ниония жалостливая и нетерпимая ко всякой несправедливости, возьми ключ от мансарды у меня, жестокого отца и плохого брата и пойдешь, открой и приведи ее вниз. Скажи, что тебя послал я, потому что ее мать хочет поговорить с ней от моего имени. Давай-ка!

Тетушка Ниония (с волнением берет ключ). Настало, наконец, время! (Выходит и поднимается вверх по лестнице).

Панагис (доверительно, беспокойным голосом к Марии). Скажу тебе, жена, я неправильно поступил в этом случае (вздыхает).

Мария. Да, Панагис, я тоже так считаю. Сначала я думала, что пройдет два-три дня, и она передумает. Поэтому я ничего не говорила... и хотела наказать ее за упрямство. Но сейчас уже двенадцать дней, как она закрыта и продолжает упрямиться. Заболела, а все еще стоит на своем, представь себе, Панагис. Как бы ничего не случилось (плачет и вытирает глаза платком), что с нами будет?

Панагис. Конечно, так не может больше продолжаться. Люди начнут пускать слухи, время идет, я боюсь...Смотри, Мария, убеждай ее, как можешь, и ничего не говори о Менулосе! Ну его к дьяволу! Только пусть больше не вспоминает о Христакисе и попросит у меня прощения (вздыхает).

Мария (вздыхает). Да, да!

Панагис. Нет, даже этого не надо! Она не захочет так. Я ее хорошо знаю, разве она не моя дочь? Скажи ей, чтобы она в моем присутствии молчала; ни слова пусть не говорит, только пусть, когда я вернусь, подойдет и поцелует мне руку. Это все. Я не буду снова запирает ее, на этом и порешим.

Мария. О, да, прекрасно! Она будет этому рада.

Панагис. А теперь я пойду в казино, но скоро вернусь, как я тебе уже говорил (торопливо). Давай, они спускаются! Счастливо! (Быстро удаляется).

Мария (одна). Господи, что же я буду ей говорить? (Из открытой двери виднеется часть коридора, по которой спускается Стелла с Нионией. Стелла идет с трудом, а тетушка Ниония поддерживает ее, чтобы та не упала. Волосы у Стеллы заплетены и повязаны белой, широкой лентой. Она одета в белое домашнее платье и светлую накидку, в которую она кутается, потому что ее морозит. Грудь она украсила цветами резеды, видно, что она очень слаба, и ее щеки пылают от жара. Глаза горят. Тяжело и медленно двигается, следуя за Нионией, подходит к дивану, на который садится. Пытается сделать вид, что чувствует себя хорошо.)

Мария (не поднимаясь, следит одними глазами за Стеллой) Давай, присаживайся, вот сюда...

Тетушка Ниония (беспокойно хватая Стеллу за руки, касается ее лба). Стелла, ты горишь как огонь! У тебя высокая температура! Вот горе! Да, ты простыла наверху!

Стелла (слабым голосом). Нет, я здорова. Тебе кажется, я чувствую себя очень хорошо. В это время дня я всегда испытываю некоторую слабость - разве ты не помнишь? Нет, все хорошо, пройдет!

Тетушка Ниония (удрученно отходит от нее). Да, ну сегодня что-то слишком...

Мария. Все нормально, это просто от плохого обхождения...Тот, кто сам роет себе яму.. Ну, ладно! Сейчас не об этом. Слушай, Стелла, я хочу с тобой поговорить.

Стелла. Что ты хочешь мне сказать? Да я бы даже не спустилась, если тетушка Ниония не упала бы мне в ноги и не заплакала! К тому же сейчас бесполезно что-то уже говорить.

Мария. Нет, Стелла, ты не можешь рассуждать о том, о чем пока не знаешь! Ниония, сделай одолжение, оставь нас одних и закрой дверь. Спасибо. (Тетушка Ниония медленно выходит и закрывает за собой дверь.)

Мария. Итак, слушай, Стелла.

Стелла (дрожит и кутается в свое манто). Что еще?

Мария. Послезавтра Богородицын день - великий праздник для нашей семьи. Во имя твоего отца, во имя твоей матери...Не можем мы праздновать без тебя...(прерывается). Как мы будем сидеть за столом и думать все время, что ты, голодная, заперта в мансарде?

Стелла (прерывает ее слабым голосом). Я не сама там закрылась, это вы меня туда посадили!

Мария. Да, твой отец... Но подумай, рассуди, разве он не был прав? Разве раньше он позволял себе что-то такое по отношению к тебе, разве твое собственное поведение достойно хорошо воспитанной девочки из уважаемого дома? Нет, милая Стелла, ты вела себя ужасно... Разве ты не видишь, что мы все боимся твоего отца? Да как ты могла пытаться сломить его волю, не думая, что это может принести тебе горе? Но твое счастье, твой отец очень расстроен тем, что произошло и готов извинить тебя от всего сердца, извинись перед ним, Стелла ради великого праздника! Твой отец даже согласен не выдавать тебя замуж за Менулоса, он сам мне это сказал, ему не нужно, чтобы ты падала перед ним в ноги, он даже слова лишнего от тебя не ждет.. Единственное, что он просит, чтобы ты выбросила из головы мысли о Христакисе, остынь! И когда твой отец придет из казино, просто поднимись и поцелуй его руку, как будто ничего не произошло, тогда и он тебя расцелует!

Стелла (резко поднимает голову и смотрит во все глаза на мать). Нет!

Мария. Нет? Я хорошо расслышала? Ты сказала: нет?

Стелла (вновь опускает голову и говорит медленно). Нет, я сказала.

Мария (печально, но с некоторым гневом). Ну, девочка, подумай, что ты говоришь? Подумай, что ты

делаешь? Чтобы твой отец уступил, смягчился, сделал сам первый шаг, потому что ты не хочешь сделать его сама? Да что он от тебя требует? Только выкинуть из головы Христкаиса и не упорствовать в своем желании на брак с тем, кто тебе не нужен.

Стелла. Нет! (С гневом). Нет! (С криком вскакивает и стоит прямая, достойная и непоколебимая, срывает с себя накидку, распрямляет плечи). Тысячу раз нет! Мой поступок может быть и ужасен, но я уже это сделала! Я написала ему: «Я твоя!» - и это навсегда. Да, я упаду в ноги своему отцу и буду целовать его руки, я буду просить у него прощения, потому что я поступила так без моего на то чистосердечного желания, не подумав, в минуту слабости. Пусть он меня простит и выдаст замуж за Христкаиса. (Тут Мария поднимается с гневом и хочет ее прервать, но Стелла неудержима и она продолжает). Пусть это не кажется тебе странным неприятным, молчи. Хороший или плохой, он мой! Я уже столько с ним перенесла, что с меня хватит. Тем более чем он вам не нравится? Тем, что он бедный? Пф! Я насмотрелась на то счастье, которое вы богатые насаждаете в своих семьях! Я буду счастлива и мне будет хорошо! А если и буду несчастна, то что поделаешь? По-другому не выходит! За другого не выйду!

Мария (со злостью) Ах, ты сама себе хозяйка?

Стелла. Я могу повести себя как хозяйка даже по отношению к отцу.

Мария. Нет, это твой отец распоряжается тобой, мной, Дадисом и Нионией и многими остальными!

Стелла. Я не знаю, вы сами решайте, кто будет вами командовать! Но мной он не распоряжается! Я сама определяю, что мне делать. Я, и только я, распоряжаюсь собой. Вот смотри, (хватает себя за палец и кусает его сильно, с бешенством до боли, это чувствуется в ее голосе) видишь, я им распоряжаюсь, я им распоряжаюсь!

Мария (отступает с ужасом). Что ты хочешь этим сказать?

Стелла (спокойно и трагично). Я сама себе хозяйка. Я могу отрезать себе руку и выкинуть ее в окно, потому что это мое право, и мой отец не сможет мне помешать, как бы он меня не наказывал, где бы он меня не закрывал, даже если убил бы меня. Что с того! Все равно, я сама определяю, что мне делать, и я не хочу выходить замуж за другого.

Мария (со страхом). Несчастливая!

Стелла (продолжает с еще большей яростью). Нет, нет, никогда он меня не отдаст за того, кто ему выгоден, я говорю это первый и последний раз, запомните! Или Христкаис или никто! Мой отец говорит, что он Панагис Виоланти! А я Стелла Виоланти! (Бьет себя с силой в грудь, мечет огненные взгляды. Еще некоторое время стоит, но вскоре валится на диван).

Мария (опускает голову побежденная и скорбная). Я поняла, Ты Стелла Виоланти, дочь своего отца! Упрямство на упрямство. Но ты не думаешь, несчастная, как может закончиться война, которую вы начали. Мужчина сильнее.

Стелла. Я его не боюсь. И что еще он может мне сделать, после того, что уже сделал. Меня это не интересует, я тебе это говорю. Я не прошу у него жизни, тем более жизни счастливой. Раз не получается, пусть лучше я умру в своей тюрьме (спокойно опережает ответ Марии). Знаешь, что я тебе скажу? Если бы я не написала этого письма, это бы меня не волновало. Но раз я его написала, об этом услышали и обо мне пошли сплетни, то я должна сделать все, что могу для сохранения своего достоинства и уважения окружающих. Что меня спасет? Свадьба или смерть? Мне все равно! Я никогда не жаловалась...

Мария (прерывает ее нетерпеливо). Хорошо, хватит мне рассказывать эти сказки. Хоть ты и написала это письмо, мы его получили назад. Я вот что тебе скажу. Это потому, что ты любишь Христкаиса.

Стелла (вздрагивает и начинает вновь кутаться в свою накидку). Нет, не поэтому, нет, не поэтому (начинает плакать, сидит, поддерживая голову руками и судорожно плачет).

Мария. Ну что на этот раз, какое безумие тебя охватило? Почему ты плачешь?

Стелла. Потому что я его не люблю. У меня в сердце нет места любви, я не люблю никого.

Мария. Так не бывает, сколько упрямства! Ты, которая никогда не была упрямницей! Что-то должно сейчас сильно тебя встряхнуть!

Стелла. Сильнее, чем поведение моего отца?

Мария. Твой отец видит твое упрямство и поэтому так себя ведет.

Стелла (медленно, плачет). Да, упрямство. Вы это называете упрямством, безумцы! Как будто договариваете меня одеть шляпку с цветами вместо шляпы с перьями или хотите заставить меня есть суп с кренделями, а не с ягодами. Упрямство! Как будто непонятно, что решается вопрос счастья или несчастья всей моей жизни (внезапно перестает плакать и поднимается, движимая новым порывом). Да, да я его люблю! Если бы я его не любила, я бы его и слушать даже не стала, я бы не обратила внимания на это письмо, потому что я не первая и я не последняя для него. Если бы я его не любила, я бы не упорствовала и вышла бы замуж за того, кого мне прочит отец, клянусь тебе. Но я его люблю и сделаю все, чтобы выйти за него замуж.

Мария (сидит, безнадежно). Выбрось это из головы. Твой отец даже слушать этого не будет.

Стелла. Кто знает? Нужно только терпение. Может в конце концов он меня пожалеет и увидит единственно верный путь (садится). Есть столько примеров!

Мария. А, вот на что ты надеешься! Несчастливая, несчастная, ты что, не знаешь своего отца?

Стелла (с глубокой грустью). Может быть... мне просто нет места в доме моего отца (говорит как будто сама с собой). Нет мне здесь места! Каждое грубое слово, любое проявление злобы – и голос внутри меня

начинает шептать: «Уходи, уходи!».

Мария (поднимается раздраженно, приближается к Стеле и кричит). Что ты сказала? Уйдешь? Ох, горе! Ты уйдешь?

Стелла (с презрением). Я этого не сказала. Это вы мне об этом говорите всем своим видом.

Мария (задышающимся от гнева голосом, смотрит по сторонам, что бы схватить и ударить Стеллу). Нет, ты это сказала. Ты сказала, что ты уйдешь. Слушай, потому что я...

Стелла (вновь поднимается, в ней чувствуется дикая, первобытная сила и смелость, отличающая человека, готового на самоубийство). Нет, я не говорила этого. Ты навязываешь мне слова, которые я не произносила. Я так думала, у меня была такая мысль, но я так и не решилась. Нет, я этого тебе не говорила. И я бы никогда этого не сделала, как бы жестоко вы со мной ни обращались, потому что я горда и не хотела бы, чтобы люди думали и говорили, что Стелла Виоланти сбежала (громко, душераздирающе). Но раз вы хотите, чтобы я так поступила – я это сделаю. Да, я так сказала, я это сделаю! (Держится за диван, чтобы не упасть, широко раскрывает глаза, которые закрывается от слабости. Прикладывает руку к сердцу. Заставляет себя стоять).

Мария (бессильна перед Стелой, падает на стул, как подкошенная и мечет злобные взгляды на Стелу). Хорошо, ты об этом вспомнишь, когда прилет твой отец (уходит с яростью в другую комнату).

Стелла (одна, в агонии). Ах, мое сердце! (Она как будто ждала ухода Марии и одновременно с ним иссякло ее оживление, Стелла лежит безжизненно на диване).

Тетушка Ниония (выходит из той же двери, в которую ушла Мария. На лице ее написана безнадежность, она немного сердита, укоряет Стелу). Но Стелла, детка, мы же говорили... (Внезапно прерывается. Она вдруг понимает, что девушка очень больна и застывает в ужасе). Стелла, что с тобой?

Стелла (полуоткрыв глаза, слабым голосом). Ничего.

Тетушка Ниония (подбегает к ней и трогает ее лицо). Да ты горишь! У тебя температура! Господи, надо послать за врачом. (Оборачивается в страхе и кричит). Мария!

Стелла (пытается помешать ей). Не кричи, не надо врача! Не хочу, чтобы приходил врач (с трудом). Мне уже лучше. Все нормально! Я здорова – это от волнения.

Тетушка Ниония. Но ты вся горишь. У тебя красные щеки, милая.

Стелла. Я же сказала тетя. Я просто разволновалась. Давай... (слабеет и падает в объятия тетушки Нионии, как маленький ребенок).

Тетушка Ниония. Ну, детка, не убивайся так!

Стелла (внезапно немного оживляется) Почему мне не пишет Христинис? Почему он не появляется? Ты действительно послала ему письмо, тетя?

Тетушка Ниония. Да, душа моя, разве я тебе не говорила? (садится рядом со Стелой и берет ее за руки). Асиминия отдала ему письмо лично в руки.

Стелла. Лично в руки?

Тетушка Ниония. Да, ждала возле его дома и когда он заходил, отдала. Сначала, он конечно не хотел брать...

Стелла. Все еще боялся...

Тетушка Ниония. Но в конце концов все таки взял.

Стелла (с трудом) И не появился! Двенадцать дней прошло! Знаешь, тетушка Ниония, из окошка мансарды видна часть улицы, но конечно, не очень хорошо, потому что черепица все закрывает... Ах, я все глаза высмотрела, надеялась, что он хоть мимо пройдет, но нет... (прерывается).

Тетушка Ниония. Если бы он там ходил, все бы подумали, что он специально приходит и смотрит наверх.

Стелла (со слезами) Правда, мне показалось на секунду, что я его вижу, но я не уверена, был ли это он. Я видела, как кто-то, похожий на него, пробежал мимо быстро, быстро и скрылся, но это было вечером, в сумерках и я точно не разглядела. Ах! (сдерживает крик боли и хватается за сердце).

Тетушка Ниония (беспокойно) Что с тобой? У тебя сердце болит?

Стелла (с трудом) Нет, все нормально. (Внезапно с гневом) Тетушка, письмо у меня! Они не смогли его забрать! Они отнимут его у меня только вместе с моей жизнью! (вынимает письмо и прижимает к губам) Ах, этот листок составляет всю радость моего существования и все мое наказание в этой тюрьме!

Тетушка Ниония. Не говори так!

Стелла. В этой комнате, где мы играли с Дадисом, будучи детьми, с Дадисом, который, когда меня заперли там взрослой, сказал, что я должна отказаться от своей любви или умереть!

Тетушка Ниония (со слезами на глазах). Ах, молчи, золотой мой ребенок!

Стелла (внезапно немного приподнимается). Если я все же умру, тетушка, никто не скажет, выиграла я или проиграла. Правда? Разве я тебе не говорила? Не помнишь? Или Христинис, или умру! (У нее начинается новый приступ боли и она падает).

Тетушка Ниония. Пресвятая дева, помоги! Стелла, детка, разреши мне вызвать врача. Ты больна (целует ее).

Стелла (с закрытыми глазами). Воды! Дайте воды!

Тетушка Ниония (быстро поднимается). Сейчас я принесу тебе, доченька, подожди.

Стелла (открывает глаза). Нет, я не хочу, чтобы ты давала мне эту воду. Хочу, чтобы ты пошла наверх и

принесла мне мой глиняный кувшин из мансарды. Он там, на окне.

Тетушка Ниония. Но почему? Разве у нас здесь нет холодной воды?

Стелла. Нет, если ты менялюбишь мне воду из мансарды. Там на подоконнике с наружной стороны, между двумя камнями выросла резеда.... Там я и сорвала эти веточки. Пойди, вырви мне ее с корнем и принеси, я хочу. Чтобы она была у меня, а еще я хочу, чтобы ты принесла мне мой кувшинчик. У меня самой нет сил подняться, а если ты мне их принесешь, мне сразу станет легче. Иди, тетушка! Я тебя жду! (тетушка Ниония уходит, Стелла закрывает глаза и ждет. Через некоторое время в ту же комнату входит Дадис.)

Дадис (с удивлением смотрит на Стеллу) Вот так так! Ты здесь? Как?

Стелла (со страхом открывает глаза и с трудом пытается спрятать письмо, переменивши позу) Да!

Дадис. Что твое наказание отменено?

Стелла (с выражением) Да!

Дадис. Слава богу! И в нашем доме будут праздновать пятнадцатое августа. Ах, как же ты была глупа, несчастная Стелла, когда так сражалась из-за какого-то мерзкого Христкаиса Саманоса!

Стелла (делает ему знак, чтобы он уходил)

Дадис. Что? Разве я говорю неправду? Ты знаешь, что он показал твое письмо Стивенсону? И тот дал ему замечательный совет написать папе? Чудно! Чудно! Я послал к нему одного своего друга, чтобы он все разузнал, и он потом рассказал все мне.

Стелла (в отчаянии, диким голосом) Еще бы! Оставь меня в покое!

Дадис. Говорю, этот шут сделал тебя посмешищем на всю страну! Но самого главного ты еще не знаешь, как только папочка его выставил, он сразу принялся за старое, но на этот раз объект его любви- графиня Мария Маркоци!

Стелла (глухо) Вранье! Дадис, оставь меня, говорю тебе! Уходи!

Дадис. Да ладно, Мари тоже всегда была от него без ума. Ах, сестренка, что за напасть такая! Все девушки влюбляются в нвглых подлецов! Ай, ай, ай! А сейчас он для тебя недосыгаем, твой Христкаис! Он под балконом Мари! Ха-ха!

Стелла (видно, что ей мучительно больно) Ради бога!

Тетушка ниония (возвращается с кувшином и резедой) Вот твой кувшин и твоя резеда.

Стелла. Тетя! Убери отсюда Дадиса! Ради бога, скажи ему, чтобы он ушел, он меня мучает!

Тетушка Ниония. Иди отсюда, она больна!(толкает его)

Дадис. А если я хотел поговорить с ней. (уходит)

Стелла. Мой кувшин! (Ниония дает ей кувшин) Дай мне попить (жадно пьет) Ах, как мало! Я не утолила жажды. (прикладывает кувшин ко лбу, освежая его) Ах, прохладно!

Тетушка Ниония. Я тебе принесу еще.

Стелла. Нет, я не хочу другой воды...раз здесь уже нет...пусть все остается так как есть. Где моя резеда (берет ее у Нионии из рук и прижимает ее к лицу, нюхает с наслаждением) Это прекрасно! Этот цветок выросший в моей тюрьме, единственное живое существо, которое меня любит. Мы делились водой, которую приносил мне отец и этим жили! Сейчас вода закончилась...и мы умрем.(бросает на пол кувшин и разбивает его.)

Тетушка Ниония (в отчаянии) Детка, что ты говоришь! Что же делать?

Стелла (бредит, не отнимая резеду от лица) Нет... я здорова...сядь рядом...хочу, чтобы ты была тут...никто не любит меня...никто.. только ты. (с трудом целует ее и снова впадает в забытье, тетушка Ниония сидит рядом, пытаясь придать Стеле более удобную позу. В этот момент у Стеллы начинается агония, тихая агония раненой птицы. Тетушка Ниония не замечает этого.)

Панагис (появляется в дверях, он весел и шумен, выглядит также как в начале пьесы) Вот и я! Здравствуйте!

Мария (появляется из второй двери, она еще рассержена, спешит поприветствовать мужа до того момента, пока он не увидел Стеллу. За ней следует Дадис.) А вот и твоя дочь! Делай с ней, что хочешь! Она ничего не хочет слышать!

Панагис (радостно) Не переживай, все это мелочи (тихо Марии) Мы победили, жена.

Тетушка Ниония (поддерживает Стеллу) Молчите. Она больна.

Панагис. Ха-Ха, у меня есть лекарство, которое ее вылечит (смотрит на Дадиса) Что? Пришел? А где ты был?

Дадис. На площади.

Панагис. А слышал новости?

Дадис. Нет, а что?

Панагис (еще более радостно) Да ты никогда ничего не слышишь! Вчера убежала дочь графа Маркоци!

Мария. Мари? Фи, какой стыд!

Дадис. Мари? И скем?

Панагис. Никогда не догадаетесь, вот даже если поспорить на все наши деньги и их дворянские привилегии! Ну, подумайте! С одним отвратительным шутом, ничтожным телеграфистом...которого зовут Христкаис Саманос.

Мария (не дожидаясь . пока Панагис скажет) С Христкаисом?

Дадис (одновременно) С Христакисом? Я же говорил тебе, стелла, слушай!

Панагис. Да, с Христакисом. Так говорят. Наши желания никогда не совпадают с реальностью! Вот все и разрешилось...самым неожиданным образом. (продолжают говорить и смеяться. Стелла содрагается, как от удара электричества, садится прямо, открывает глаза и кричит)

Стелла. Это ложь! (падает на диван)

Тетушка Ниония (испуганно) Умерла! (валится на колени, обхватывает Стеллу дрожащими руками. Панагис, Мария и Дадис замолкают. Их болтовня сменяется глубоким молчанием. Ни вскрика, ни слова, одно удивление и немой ужас. Она поворачиваются лицом к трупу и сидящей возле него на полу Нионии и смотрят, только через несколько секунд они осмеливаются подойти на шаг и застывают с протянутыми руками. Немая сцена.

Занавес

Татаринцева Р.И.

РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ АНГЕЛОСА ТЕРЗАКИСА «ПРИНЦЕССА ИЗАБО»

Тринадцатого апреля 1204 г. Константинополь сдался крестоносцам. Завершился 4-й крестовый поход, в результате которого власть византийских василевсов была низложена, а столица империи ромеев, как называли себя византийцы, стала главным городом нового государства – Латинской империи.

В 1209 г. в составе Латинской империи, на Пелопоннесе, возникло Ахейское княжество, обычно именуемое Мореей. Его территорию составляли владения Жоффруа Виллардуэна, признавшего себя прямым вассалом константинопольского императора и получившего в награду от Генриха Генегатского высокий титул сенешала империи. Столицей этого княжества стал город Андравида. «Собравшийся здесь в 1209 г. парламент утвердил книгу ленов, разделившую страну на двенадцать бароний и определившую её внутреннее устройство по образцу западноевропейских феодальных государств» [2, с.5]. Следует отметить, что в то время «главный город Морей – Андравида – представлял собой просто большую деревню, насчитывавшую несколько тысяч жителей: соседний Клермон служил замком, где пребывал двор, а Кларенция – портом» [3, с.20].

Завоевание крестоносцев привело к утверждению в Греции форм феодализма, характерных для Франции, чему как раз и противились византийские императоры. И хотя пышность византийского двора очень импонировала крестоносцам, Константинополь был разграблен, православное патриаршество заменено католическим, «греческая знать, искавшая сближения с латинянами, оттеснена на задний план: её едва терпели» [3, с.16]. Ослабляли победителей и внутренние разногласия. Поэтому историческая судьба Латинской империи оказалась недолговечной. Уже в 1261 г. она перестала существовать.

Традиции византийской государственности упорно препятствовали развитию в Греции структуры феодальной иерархии. Совершенно естественно, что в Латинскую империю эта структура была привнесена в завершенной форме. «Немногочисленный господствующий класс, оказавшийся в завоёванной стране, среди этнически чуждого населения, рассчитывающий на поддержку лишь сравнительно узкой группы местной знати, должен был искусственно поддерживать систему личных связей и её идеологическое оформление – понятие рыцарской верности и чести. При дворах в Константинополе, Фессалонике и особенно в Андравиде выросло поколение рыцарей, славившихся своей доблестью и прочно державшихся за традиции, которые на Западе в XIII в. уже начинали казаться обветшалыми» [3, с.22]. Известно, что в первой половине XIII в. в Западной Европе «рыцарство постепенно перестало видеть смысл в изнурительных походах на

Восток. С укреплением королевской власти у благородных потомков «голяков» и «неимущих» нашлись перспективные дела дома – почётная и выгодная служба в королевских войсках, при дворах государей» [1, с.277]. Однако в Морее создавалась Новая Франция, а значит - и новое рыцарство, верное классической традиции, идеалам и собственной героике.

Из всех латинских сеньорий на территории завоёванной Византии наиболее устойчивой оказалась именно Морей, просуществовавшая до начала XV столетия. Многочисленные мелкопоместные вассалы-воины, рыцарство находились в зависимости от княжеской власти, освящённой авторитетом церкви, а преданность сеньору выступала лейтмотивом их существования. «Общее число ленов, земельных владений рыцарей, в Морее составляло примерно 500 или 600. Это свидетельствует о сравнительной немногочисленности прослойки завоевателей и объясняет всю необходимость для них союза с византийской знатью» [3, с.23]. Как подчёркивается в «Истории Византии», смешанные браки в феодальной Морее достаточно скоро стали обычным явлением, и даже морейский князь Гийом Виллардуэн (1246-1278) женился на гречанке Анне, дочери эпирского правителя. «Постепенно в Морее образовался особый слой полуфранков-полугреков, так называемых гасмулов – результат и явный признак начинающейся ассимиляции завоевателей. Гасмулы говорили на греческом языке и, по-видимому, один из них написал по-гречески «Морейскую хронику» (около 2-й четверти XIV в.), прославив подвиги франкских рыцарей на Пелопоннесе» [3, с.24]. Вторая часть этой «Хроники» посвящена событиям 1205-1292 гг. и, в частности, описывает и рождение дочери князя Гийома Изабеллы - принцессы Изабо. Это историческое имя стало названием героического романа греческого писателя XX в. Ангелоса Терзакиса, а обозначенная выше историческая канва – предысторией его сюжета.

Роман «Принцесса Изабо» писался А.Терзакисом в 1941-1944 гг. Его идея была подсказана автору гре-